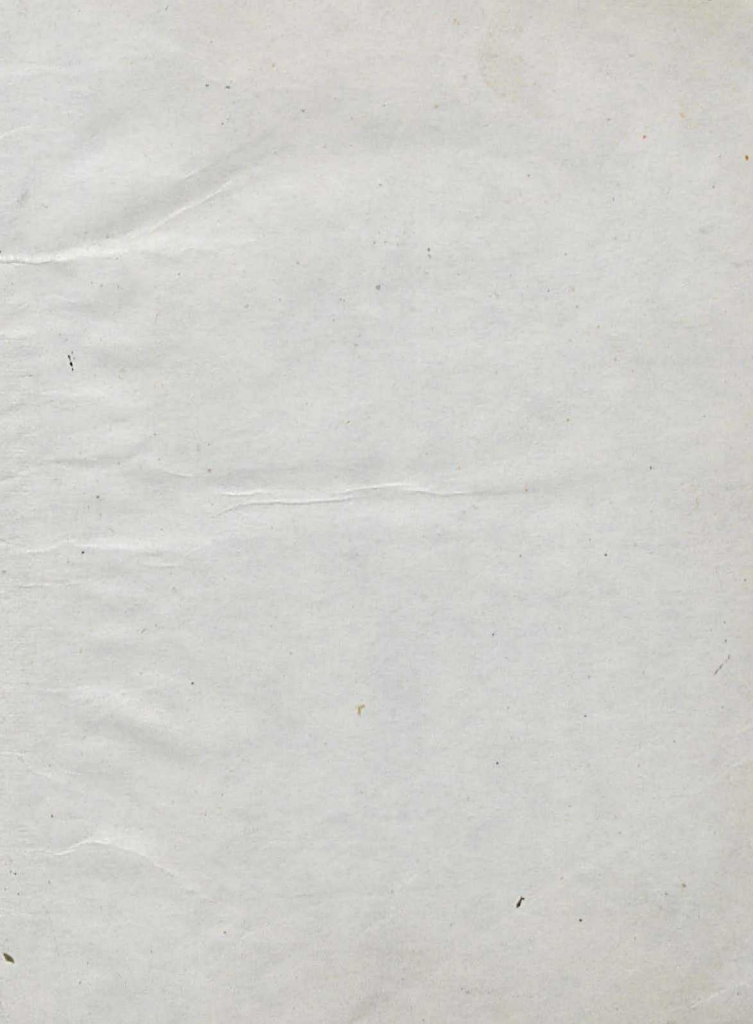

$$\triangle \frac{475}{569}$$

$$\triangle \frac{475}{569}$$

Смерть немецким оккупантам!

~~598~~
~~508~~

$$\begin{array}{r} \Delta 475 \\ \hline 569 \end{array}$$

РАЗГРОМ НЕМЦЕВ ПОД МОСКВОЙ

Признания врага

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ—1943

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT
5712 S. UNIVERSITY AVE.
CHICAGO, ILL. 60637

PHYSICS 309

PHYSICS 309

Смерть немецким оккупантам!

~~398
508~~

Δ $\frac{475}{569}$

РАЗГРОМ НЕМЦЕВ
ПОД МОСКВОЙ

(Признания врага)

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
1943

45-3591

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
I. Расчёты немцев	9
Гитлер приказывает: «любой ценой разделаться с Москвой»	10
Иллюзии немцев, одураченных фашистской пропагандой	11
Истекая кровью, враг рвётся к Москве	13
II. Поражение немецких войск на подступах к Москве	17
Ответный удар советских войск	18
Картина отступления фашистских войск в изображении немецких солдат	24
Невесёлое рождество	30
Дневники отступающих немецких солдат и офицеров	35
Наступление Красной Армии продолжается	54
Страх немецких солдат перед советскими партизанами	58
III. Отступающая немецкая армия	65
Орда бандитов-поджигателей	66
На собственной шкуре испытали немцы силу ударов советских войск	70
Обовшивевшие гитлеровские вояки	74
Немцы начинают размышлять	77
IV. Оценка врагом боевых качеств Красной Армии	80
Прониклись уважением к советскому оружию	81
«Русская артиллерия работает с большой точностью»	83
«Когда являются русские самолёты — тут уж не до шуток»	85
«Русские — упорные воины, это твёрдо установлено»	88
«В отношении России мы сильно просчитались»	94

КНИГА ИМЕЕТ:

Без описи.

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
6						.р	382 7	

ВВЕДЕНИЕ

Разгром немцев на подступах к Москве в декабре 1941 года — событие всемирно-исторической важности. Своим сокрушительным ударом под Москвой Красная Армия перечеркнула стратегический план германского командования, рассчитывавшего лобовой атакой взять Москву и закончить войну на Востоке в 1941 году.

Весь мир, затаив дыхание, следил за героическим единоборством советских войск против чудовищной военной машины Гитлера и его вассалов. В дни, когда враг стремился любой ценой захватить Москву — сердце нашей родины, — бойцами Красной Армии владела одна мысль, одно чувство, выраженное в бессмертных словах героя-гвардейца Диева-Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва».

Под руководством своего мудрого вождя и полководца Сталина Красная Армия, выдержав бешеный напор вражеских сил, перешла в наступление, выиграла историческую битву под Москвой, изменившую весь ход войны.

Сочетая стойкую оборону с контратаками, советские войска измотали и обескровили ударные

немецко-фашистские дивизии и, выбрав благоприятный момент, нанесли сокрушительные удары по врагу на важнейших участках фронта, погнали чванливую гитлеровскую свору назад от Москвы, Тулы, Тихвина и других городов.

Зимнее наступление Красной Армии навсегда закончилось с мифом о непобедимости немецких войск. Болтовня о непобедимости немцев была сказкой, сочинённой фашистскими пропагандистами. Красная Армия положила конец этой болтовне, показав, что в борьбе один на один с немецкой армией она может одолеть её.

Военные действия в течение зимнего периода, особенно же успешные действия Красной Армии в районе Ростова, Тулы, Калуги, под Москвой, под Тихвином и Ленинградом, говорит товарищ Сталин, вскрыли два знаменательных факта. «Они показали, во-первых, что Красная Армия и её боевые кадры выросли в серьёзную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, во-вторых, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьёзные органические недостатки, которые при некоторых благоприятных условиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск. Нельзя считать случайностью тот факт, что немецкие войска, прошедшие триумфальным маршем всю Европу и сразившие одним ударом французские войска, считавшиеся первоклассными войсками, встретили действительный

военный отпор только в нашей стране, и не только отпор, но оказались вынужденными под ударами Красной Армии отступить от занятых позиций более чем на четыреста километров, бросая по пути отступления колоссальное количество орудий, машин, боеприпасов. Одними зимними условиями войны никак нельзя объяснить этот факт».

Гитлеровская армия ведёт захватническую, разбойничью войну. В этом кроется причина её органических пороков. В этом неизбежность её гибели. Красная Армия ведёт войну отечественную, освободительную, справедливую. В этом, прежде всего, состоит её сила. В этом залог её победы. «У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая её на подвиги» (Сталин). Именно этим объясняется массовый героизм среди советских воинов, появление в ходе отечественной войны тысяч и тысяч героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей родины.

Врагу не удалась в 1941 году лобовая атака на Москву. Но Москва и в 1942 году, как указал товарищ Сталин, была в центре стратегических замыслов гитлеровцев. Немцы попытались в 1942 году пробиться к Москве кружным путём. Сталинград стал стеной на этом пути. Расчёты Гитлера снова не оправдались. Коварный замысел гитлеровских стратегов был своевременно раскрыт сталинским гением. Блестяще осуществив сталинский план,

наши войска на подступах Сталинграда окружили и ликвидировали отборную группировку вражеских войск, добились абсолютной победы в одном из самых крупных сражений в истории войн.

Сражение за Москву получило широкое освещение как в устных, так и печатных выступлениях крупнейших общественных деятелей не только у нас, но и за границей, собрано и обнародовано большое количество документов, рассказывающих об этом замечательном событии.

Наряду с другими документами о разгроме немцев под Москвой имеются различного рода свидетельства врага: приказы, донесения и распоряжения по германской армии, а также документы личного характера: письма, записки, дневники немецких солдат и офицеров. Эти документы, захваченные Красной Армией в ходе наступления в качестве трофеев, весьма многочисленны. Для настоящего сборника использованы главным образом письма и дневники солдат и офицеров немецкой армии, воевавших осенью и зимой 1941—1942 годов на центральном участке фронта.

После провала плана «молниеносной» войны фашистские власти особенно заботились о том, чтобы не допустить проникновения в тыл правды о действительном положении на советско-германском фронте. Германское главное командование посвящает специальные секретные бюллетени «искусству составлять письма», издает циркуляры, в которых солдаты распекаются за «излишнюю склонность к сочинительству», за описания «ужасных

подробностей боев» и т. д. Цензуре предписывается уничтожать все письма, в которых «упоминается о затруднениях всякого рода или о личных заботах». Гестапо свирепо карает всех, нарушающих установленные цензурой правила.

В дни, когда немецко-фашистская армия под Москвой была обращена в паническое бегство, гитлеровские власти попытались вовсе ликвидировать почтовую связь находящихся на советско-германском фронте солдат со своими семьями в Германии. И только начавшиеся открытые проявления резкого недовольства этой мерой гитлеровских властей, вылившегося даже в антигитлеровскую демонстрацию женщин в Берлине, заставили гитлеровцев восстановить почтовую связь фронта с тылом, дав дополнительные инструкции фашистской цензуре.

Боязнь высказаться откровенно, страх понести наказание, а то и стать жертвой гестапо за нечаянно обронённое слово правды — вот что, прежде всего, определяет настроение пишущего письмо немецкого солдата. Тем больший интерес приобретают письма, в которых, вопреки всему, в какой-то мере высказана правда, подлинное настроение немецких солдат в период отступления немецкой армии. Это, конечно, прежде всего письма, задержанные цензурой и захваченные вместе с полевой почтой нашими наступающими частями, а также письма или не отправленные почему-либо по адресу или присланные частным образом, т. е. миновавшие цензуру.

Для составления настоящего сборника было просмотрено около 10 000 писем и дневников солдат и офицеров немецкой армии. Помимо писем и дневников в сборник включены некоторые показания пленных немцев, захваченных в зимних боях под Москвой, а также отдельные приказы и распоряжения по немецкой армии.

Эти документы рисуют расчёты немцев, их моральный облик, а также картину разгрома немецко-фашистской армии под Москвой. Кроме того, в них содержится весьма ценный материал, характеризующий внезапность наших ударов, наступательный дух Красной Армии. Это вынужденные признания врага, на своей шкуре испытавшего силу советского оружия. Весь материал сборника разделен соответственно следующим темам:

I. Расчёты немцев.

II. Поражение немецких войск на подступах к Москве.

III. Отступающая немецкая армия.

IV. Оценка врагом боевых качеств Красной Армии.

Переводы писем на русский язык сделаны Н. И. Непомнящей, И. М. Синельниковой и Н. Н. Жижинной. Сборник подготовлен к печати Р. П. Конюшей.

I. ПЛАНЫ И РАСЧЁТЫ НЕМЦЕВ

Вероломно, по-разбойничьи напад на Советский Союз, гитлеровская Германия рассчитывала на быструю, «молниеносную» победу. Наглые, самоуверенные, избалованные своими военными успехами в Европе, гитлеровцы не только не скрывали, а всячески рекламировали свой план «молниеносной» войны против СССР.

Героическое сопротивление Красной Армии и всего народа, поднявшегося на отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков, сорвало их планы, показало всю легкомысленность и беспочвенность расчётов немцев на «молниеносную» победу в войне против Советской страны. После провала плана «разделаться» с Советским Союзом в полтора-два месяца гитлеровцы выступили с планом «покончить» с Советским Союзом до наступления зимы. В начале октября 1941 года Гитлер в приказе по немецко-фашистской армии хвастливо заявил, что созданы все условия для нанесения «последнего удара, который ещё до наступления зимы должен привести к уничтожению врага».

Когда октябрьское наступление немцев захлебнулось, германское командование мобилизовало все

свои наличные силы и средства для нового наступления, начатого 16 ноября 1941 года. На этот раз Гитлер приказывает «любой ценой разделаться со столицей Москвой».

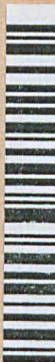
Немецкое командование рассчитывало на разгром советских войск под Москвой, на капитуляцию Красной Армии, на захват советской столицы и обеспечение тёплыми квартирами своей разбойничьей армии. Гитлеровская преступная шайка надеялась, захватив Москву, добиться окончания войны на Востоке в 1941 году.

Этими иллюзиями кормили гитлеровцы своих солдат. Оболваненные фашистской пропагандой немецкие солдаты в ноябре 1941 года яростно рвались к Москве; они поверили гитлеровским посулам и в письмах к родным уже делились своими корыстными планами личной поживы в советской столице. В германском тылу также имелось немало немцев, веривших в успех «последнего, решающего сражения».

Но немцы жестоко просчитались. Красная Армия, отбивая наступление немецко-фашистской армии, обескровила её, подготовив тем самым разгром её на подступах к Москве.

ГИТЛЕР ПРИКАЗЫВАЕТ: «ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ РАЗДЕЛАТЬСЯ С МОСКВОЙ»

«...Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение

2018791319

армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей Москвой».

Из приказа Гитлера войскам Восточного фронта. Ноябрь 1941 г.

«...Германское командование будет рассматривать Москву как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уж можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль».

Из сообщения германского информбюро. Декабрь 1941 г.

«...Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте её склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по её площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперёд!»

Из обращения немецкого военного командования к солдатам Восточного фронта.

ИЛЛЮЗИИ НЕМЦЕВ, ОДУРАЧЕННЫХ ФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДОЙ

«...Несмотря на холод, снег и лёд, наш поход продолжается дальше по указанному пути. Мы, пехотинцы, находимся сегодня на расстоянии

35 километров от Москвы. Ещё немного времени, и последнее сопротивление русских будет преодолено. Нас ждет окончательная победа. Русские заплатят нам тогда за все!..»

Из письма обер-ефрейтора Адольфа Губер жене. 30 ноября 1941 г.

«...В настоящее время мы находимся в тридцати километрах от Москвы. Можно видеть издали некоторые башни Москвы. Скоро кольцо сомкнется, тогда мы займем роскошные зимние квартиры, и я пришло тебе такие московские подарки, что тетка Минна лопнет от зависти».

Из письма эсэсовца Ксимап жене в Мюнхен. 3 декабря 1941 г.

«...Борьба немецких солдат на Востоке увенчалась необозримым ещё в своих последствиях политическим, военным и экономическим успехом. Таинственная мощь Советского Союза сломлена, ударные дивизии Красной Армии уничтожены...»

Из циркулярного письма гаулейтера Южного Ганновера-Брауншвейга, Мантербахера к солдатам на Востоке. 8 декабря 1941 г.

«...Мы надеемся, что ты очень скоро вернешься домой, так как сегодня сообщили, что под Москвой мы разбили врага...»

Из письма Рихарда Брукнер (владельца мебельной фабрики в Кенингсварте) ефрейтору Максу Дирл. 26 ноября 1941 г.

«Пока мое письмо дойдёт до тебя, уже настанет рождество. Я надеюсь, что вы уже будете в Москве и сможете юпрокинуть представление, что Наполеон шёл по этому пути и плохо кончил».

Из письма Альфреда Граф (владельца издательства в Эттингене) унтер-офицеру Виктору Граф, п.п. 26129 Е.

«...Когда вы получите это письмо, русские будут разбиты, мы будем уже в Москве, промаршируем по Красной площади. Мне и во сне не снилось, что я увижу столько стран. Надеюсь, что буду присутствовать также и на параде наших войск в Англии!..»

Из письма эсэсовца Христиана Хельцер Георгу Хельцер в Альтенгронау.

ИСТЕКАЯ КРОВЬЮ, ВРАГ РВЁТСЯ К МОСКВЕ

«...За последние четырнадцать дней у нас почти такие же потери, как за все первые четырнадцать недель наступления. Мы находимся в семидесяти километрах от Москвы. В приказе войскам было сказано, что взятие столицы будет нашим последним боевым заданием, но русские собрали все силы, чтобы удержать Москву».

Из письма ефрейтора Якоба Шелль, п.п. 34175, жене Бабетте в Клейнгейм. 5 декабря 1941 г.

«...До Москвы осталось очень немного. И всё-таки мне кажется, что мы бесконечно далеки от неё... Мы уже свыше месяца топчемся на одном

месте. Сколько за это время легло наших солдат! Если собрать трупы всех убитых немцев в этой войне и положить их плечом к плечу, то эта бесконечная лента протянется, может быть, до самого Берлина. Мы шагаем по немецким трупам и оставляем в снежных сугробах своих раненых. О них никто не думает. Раненый — это балласт. Сегодня мы шагаем по трупам тех, кто пал впереди, завтра мы станем трупами, и нас также раздавят орудия и гусеницы».

Из письма ефрейтора Отто Залфингер родителям.

«...В последних боях под Москвой 67-й пехотный полк понёс исключительно большие потери. В ротах осталось не более двадцати-двадцати пяти человек. Солдаты голодают и рыщут по деревьям, силой отбирая продукты у населения».

Из показаний пленного солдата Эдмунда Шифке.

«...106-я дивизия потеряла шестьдесят процентов личного состава. Она дважды получала большие пополнения — в августе и в октябре. Штабной батальон, в котором я служил, потерял половину солдат и командира батальона...»

Из показаний пленного обер-ефрейтора Л. Ноберт.

«...Наша рота потеряла сто двадцать человек. Каждый из нас, оставшихся в живых, стоит одной ногой в могиле...»

Из письма Г. Лерпт семье.

«...В 3-й роте из двухсот двадцати солдат осталось всего лишь пятьдесят. В полку много семнадцатилетних юнцов и сорокапятилетних резервистов. В других ротах встречаются и пятидесятилетние».

*Из показаний пленного ефрейтора
Эльберман. Западный фронт.*

«...34-я дивизия сейчас стала мало боеспособной. Наша часть понесла крупные потери от русской артиллерии и танков. Недавно советские танки разбили и рассеяли 80-й немецкий пехотный полк. После этого четыре дня собирали его остатки и приводили их в порядок. Третий батальон полностью уничтожен. Сейчас 80-й полк состоит из двух батальонов, причем в каждом батальоне вместо трех рот имеются только две. В 7-й роте было сто восемьдесят солдат, потом прибыло пополнение — двадцать человек. А сейчас в этой роте осталось сорок восемь человек. В последнем бою русские танки и пушки уничтожили наш обоз».

*Из показаний пленного ефрейтора 7-й
роты 80-го полка 34-й немецкой пехотной
дивизии Михаэля Гаст.*

«...Я был бы доволен, если бы мне удалось вырваться из этого ада. Наша рота понесла под Москвой такие потери, что от нас осталась только жалкая горсточка бойцов. Я не узнаю своего прежнего соединения. Из стариков почти никого не осталось».

*Из письма ефрейтора Эриха Кинт,
п.п. 32007, жене в Берлин. Декабрь 1941 г.*

«...Вторая дивизия Рейхенау прибыла обратно в весьма уменьшенном виде... Здесь мы также кое-что знаем, что происходит на фронте, ибо в общем до нас, хотя и медленно, доходят сведения о том, как разыгрываются действия... Во всяком случае, как писал даже «Шварце Кор», получилось так, что мы влипли, а на это мы ни в коем случае не рассчитывали...»

*Из письма Ирмгард Герстле из
Карлсруэ.*

II. ПОРАЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

План немцев захватить Москву и закончить войну в 1941 году, как известно, с треском провалился. Жизнь зло посмеялась над гитлеровскими дурачками. «В ходе войны Красная Армия наливалась новыми жизненными силами, пополнялась людьми и техникой, получала на помощь новые резервные дивизии. И настало время, когда Красная Армия получила возможность перейти в наступление на главных участках громадного фронта. В короткий срок Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам один за другим удары под Ростовом на Дону и Тихвином, в Крыму и под Москвой. В ожесточённых боях под Москвой она разбила немецко-фашистские войска, угрожавшие окружением советской столицы» (Сталин).

Приводимые в сборнике письма немецких солдат и офицеров, их дневники, а также показания пленных достаточно определенно рисуют картину разгрома немецких войск под Москвой.

Внезапность, совершенная неожиданность и необычайная сила, напористость русского наступления —

постоянная тема в зимних письмах немецких солдат.

Зимнее наступление Красной Армии особенно ярко показало, что у неё есть не только крепкий тыл, но и миллионы единомышленников, десятки и десятки тысяч вооружённых советских патриотов за линией фронта. Наступающей Красной Армии оказывали неоценимые услуги советские люди, ждущие дня освобождения из-под ига немцев. Красной Армии помогали своими встречными действиями доблестные советские партизаны.

ОТВЕТНЫЙ УДАР СОВЕТСКИХ ВОЙСК

«...Дорогая жена! Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа. Вечером нельзя выйти на улицу — убьют. Умоляю тебя — перестань писать мне о шёлке и резиновых ботиках, которые я должен был привезти тебе из Москвы. Пойми — я погибаю, я умру, я это чувствую».

Из письма солдата 82-го пехотного полка Адольфа Фортгеймер. 6 декабря 1941 г.

«...Уже около десяти дней мы находимся в Вердене и переживаем Верден. Нападающие — русские, осаждённые — мы. Это ужасно. Каждый кусочек этого местечка изрыт снарядами. Осталось всего пять домов — разбитых, разрушенных, обвалившихся. Все остальные сгорели... Вчера, после

четырёх, русск э стреляли из противотанковой пушки прямой н. зодкой и попадали. Окопы не могут нас защитить. Мы сидим исключительно в блиндажах, в землянках, ямах. Песок осыпается с потолка и стен, брёвна дрожат и стонут при каждом ударе снаряда. В наш блиндаж пока ещё не было прямого попадания. Выдержит ли он? Русские хотят с треском выбросить нас отсюда. Ураганный огонь. Атака. Ураганный огонь. Атака...»

Из письма санитаря Бернгарда Эббен Гергарду Хейдт. 6 декабря 1941 г.

«...Нарофоминск. 5 декабря... Сколько мы за это время пережили. Мы были уже далеко, а 3 декабря снова вернулись на исходные позиции. Генеральное наступление выдохлось... Многие товарищи погибли. В 9-й роте осталось только два офицера, четыре унтер-офицера и шестнадцать рядовых. В других ротах не лучше. 1 декабря моя рота должна была подойти к 9-й роте и установить связь с правым крылом 1-го батальона... Со всех сторон нас обстреливали русские. Мы шли мимо трупов убитых товарищей. В одном месте на маленьком пространстве почти один на другом лежали 25 трупов наших солдат. Это работа одного из русских снайперов... Вечером стало известно, что наши части отброшены назад. Рота за ротой покидала свои позиции. При лунном свете видно было, как проходят остатки рот, унося своих убитых... Наступление, задуманное в таких широких масштабах, выдохлось...»

Ильино. 11 декабря. Получили приказ на рассвете передвинуться к северу. Стой! Только что принята телефонограмма, что наши части отброшены... Мы же должны оставаться здесь в ожидании дальнейших приказаний. Что принесёт нам будущее?

Богаево. 15 декабря. Заняли позиции у Лызлова. Здесь русские прорвались и оттеснили наших. Первый батальон несколько продвинулся, но в пяти километрах от Исакова был задержан. Моя рота была брошена на подкрепление. В 15 часов она должна была начать наступление на село. Первый батальон к этому времени потерял около ста человек. В 14 часов русские снова начали наступление, и мы опять оказались окружёнными с трех сторон. Мы отступили. Что произойдет в ближайшие дни, никто не знает. Где-то русские части должны быть остановлены, иначе прощай, 29-й пехотный полк!»

Из дневника командира 7-й роты 29-го немецкого пехотного полка лейтенанта Ф. Брадберг.

«...За последние восемь дней мы пережили тяжёлые бои. Русские нас почти окружили и ежедневно атакуют нас не меньше двух раз. У нас большие потери. Может быть на нашу долю ещё выпадет такое счастье, что к рождеству нас отправят на родину. Ведь мы так обессилели, потери так велики, что нас должны сменить и дать отпуск...»

*Из письма солдата Лопиан жене.
8. XII. 1941 г.*

«...Сижу на своём батальонном командном пункте и жду событий, которые обычно совершаются в эти ранние утренние часы. Мы оказались в чрезвычайно пакостном положении. Наше сперва так успешно развивавшееся наступление 5—6 декабря сорвалось. Мы, надо думать, слишком много на себя взяли. Русские произвели неслыханно энергичную атаку. Всё пошло вверх дном. Мы, однако, держались крепко, пока наш сосед справа не бросил нас и не «уступил», да так солидно, что мы позже получили приказ отвести назад наш правый фланг. В сочельник мне с моим батальоном было поручено фланговое прикрытие дивизии. Не успели мы обосноваться на новой «позиции» (это вовсе не позиция, так как ничего не было подготовлено, люди находились, при морозе до сорока градусов, под открытым небом и в лесу), как сосед справа опять «уступил». Снова я вместе с моим батальоном и остальными приданными нам частями получил почётное, но тошнотворное задание прикрывать и охранять глубокий фланг дивизии. Во всяком случае из-за паскудных дней мы не смогли отметить рождество и новый год. Я расскажу тебе когда-нибудь об этих проклятых днях...»

*Из письма капитана Мюллер приятелю
Гиргензон. 7 января 1942 г.*

«...Чувствую себя теперь препаршиво в этой ужасной России. За это время я пережил страшные вещи, и, может быть, предстоят ещё более

страшные. Ты, наверное, знаешь, что мы были уже у канала Волга — Москва, но здесь встретили страшное сопротивление русских. Русские самолёты! Никогда не видел я такого множества их, как здесь. Они здорово обкладывали нас. Под нажимом русских началось наше отступление. Просто вспомнить о нём не решаюсь! То, что здесь совершили с нами, словами описать невозможно. Преследуемые русскими на земле и с воздуха, рассеянные, окружённые, мы мчались назад, по четыре-пять автомобилей в ряд. Рядом с автомобилями — конные повозки... Много, очень много машин вынуждены были мы бросить. Я со своими товарищами тоже должен был оставить нашу машину и топал дальше пешком без пищи и без сна. И так продолжалось день за днём. Сейчас мы немного собрались с силами и заняли оборону. Идут суровые бои, русский беспрестанно атакует нас, чтобы отбросить ещё дальше. Противник упорен и ожесточён. У русских много оружия. Выработали они его невероятное количество. Народ здесь сражается фанатически, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы уничтожить нас».

*Из письма ефрейтора Алли Шахнер,
п.п. 08882, сестре Цилли Шахнер в Парц
(Австрия). 10 января 1942 г.*

«...Несколько недель тому назад я так бежал, как никогда ещё не бегал даже во время игры в футбол. Произошло самое страшное из всего, что до сих пор совершалось: мы вынуждены были отступить. Я бы многое тебе описал, но у меня нет

никакой охоты, потому что человек здесь живёт только сегодняшним днем. Что касается еды, то мы имеем её здесь очень мало. Знаешь, с меня этой России уже достаточно. Всё время нам обещают, что мы поедem в Германию, и эти обещания повторяются уже 3 месяца. Как было бы хорошо вернуться домой. Теперь мы уже знаем, что такое война, и какие последствия она с собой несёт...»

*Из письма Рихарда Урбенчик брату
Людвигу Урбенчик, п.п. 39552 Д.*

«...У нас сейчас здесь не всё в порядке... Всё перемешалось: русские всё время наступают. Они прорвали наши позиции, и мы отступаем. Наша и вторая батареи почти полностью выведены из строя. Я не могу вам описать всего, что здесь происходит».

Из письма обер-ефрейтора А. Гаульшти родителям.

«...В период подготовки наступления на Москву немецкие солдаты и офицеры считали, что советская столица будет быстро взята и тогда наступит мир. Но мы столкнулись здесь с необычайным сопротивлением русских. Наши части несли огромные потери как в людях, так и в технике, особенно в танках. Вследствие этих огромных потерь, а также наступившей зимы боеспособность немецких солдат резко снизилась, ухудшилось их моральное состояние. Я, офицер и член национал-социалистской партии, раньше верил Гитлеру и был убежден в нашей победе. Но теперь я считаю

поражение Германии неизбежным. Нападая на Россию, Гитлер не учёл многих обстоятельств, и, прежде всего, он не рассчитывал на такое сопротивление русских, не предвидел затяжной войны и борьбы партизан в тылу немецкой армии».

Из показаний пленного лейтенанта Рудольфа Планге.

«...То, что мы пережили за последние дни, выразить словами совершенно невозможно, и кто знает, что нам ещё принесут предстоящие дни. Рождество и новый год были подлинной катастрофой. К довершению всех бед ни строки с родины, не говоря уже о посылках: из-за стремительной атаки русских вся наша почта попала в руки врага. Всё это связано с переменой в нашем высшем командовании. Вы дома тоже составили себе об этом приятное представление. Дорогая моя, нервы наши ни к чорту. Всего, что было, описывать тебе не хочу, это повергло бы тебя в ужас».

Из письма обер-фельдфебеля Фридриха Лейпольд, п.п. 05475 С, жене Эрне Лейпольд в Кобург.

КАРТИНА ОТСТУПЛЕНИЯ ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В ИЗОБРАЖЕНИИ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ

«...Мы переживаем очень тяжёлые дни и ночи. Вот уже несколько дней мы отступаем. Здесь происходит нечто ужасное. Все дороги забиты сплошным потоком отступающих немецких войск».

*Из письма солдата невесте Лине.
17 декабря 1941 г. Западный фронт.*

«...Отступление нашей дивизии началось 5 декабря. Это было не отступление, а бегство. Нападение русских было так внезапно, что нами были брошены орудия, снаряды и другое вооружение».

Из показаний пленного солдата Оскара Ромель. Западный фронт.

«...Не знаю, дойдут ли до вас эти строки. Мы сейчас начали отступать. Знаете ли вы, что такое отступление в русскую зиму? Наполеон это знал. Мы отступаем при тридцатиградусном морозе, кругом буря и снега. Сейчас так тяжело, болит сердце. Ветер сердито завывает, ноги и руки обморожены. Я больше не могу».

Из письма немецкого солдата Иозефа Гасс родным. Западный фронт. Декабрь 1941 г.

«...В начале войны наша дивизия насчитывала 14 000 человек. Она трижды пополнялась и получила ещё 7 500 человек. К моменту отступления от Москвы в ротах осталось по 20—25 человек, а в дивизии не более 3 000 человек. Таким образом, дивизия «Райх» за время войны потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 18 000 солдат и офицеров. Мы не смогли сдержать контрнаступления русских потому, что были обескровлены, и ещё потому, что дух армии упал. Дисциплина в армии заметно расшаталась ещё до отступления, а во время отступления не было вообще никакого порядка. Никто никого не слушался.

Многие офицеры бежали на своих машинах. Среди солдат началась паника. Мы бросили почти все машины. Часть солдат бросала даже оружие. Обмороженные и раненые просили взять их с собой, но никто не обращал на них внимания. Наше командование уверяет, что это есть стратегическое отступление. Однако большинство солдат понимает, что при стратегическом отступлении не бросают машин, орудий и людей».

Из показаний пленного сфрейтора Курта Фальк. Западный фронт. Декабрь 1941 г.

«...Наше отступление от Тулы началось 14 декабря 1941 г. Связь между батальонами часто терялась, и каждый действовал самостоятельно. Начался беспорядок. Наш батальон несколько раз окружали. Часто мы отступали днём и ночью. Питание было плохое. Крайнее физическое напряжение и наши потери значительно ухудшили настроение солдат. В нашем втором взводе из сорока солдат осталось пятнадцать. В 10-й роте было сто шестьдесят солдат, в настоящее время рота имеет семьдесят-восемьдесят человек, считая пополнение, которое мы получали три раза. Нам сообщили, что командир дивизии генерал-лейтенант Штоммерман отозван в Германию. Солдаты думают, что он отстранён от командования дивизией за то, что сдал г. Белев и отступил от Тулы».

Из показаний пленного Густава Вальтер. Декабрь 1941 г.

«...После того как мы с превеликим трудом перебрались сюда из Малоярославца, оставив множество орудий, машин, равно как и всяческое снаряжение, которым сейчас, по всей вероятности, забавляется русский,— мы снова должны переезжать. Но машин нет. В нашем распоряжении осталось лишь несколько штук, и они должны подвезти нам продовольствие и горючее, которое мы тоже оставили в Малоярославце. У нас здесь нет ни минуты покоя: русские хотят нас выставить за дверь...»

Из письма солдата Б. Беттхер (вещевой обоз 258-й дивизии) из Карцева Рихтеру. 6 января 1942 г.

«...Здесь дела наши очень плохи. Сегодня ночью русский отбил у нас две деревни. Со всех сторон нам грозит опасность. Будем однако молить бога, чтобы все сошло для нас благополучно, так как в других местах солдаты вынуждены были бросить всё и бежать, бежать...»

Из письма Фрица Дарков жене Гильде. 19 января 1942 г. Западный фронт.

«...Вот уже восемь дней мы бежим, а вообще больше полумесяца нам даже умыться не удаётся. Завтра, вероятно, опять будем двигаться дальше. Сегодня, слава богу, мы пробежали только десять километров».

Из письма солдата Карла Берхен. 20 января 1942 г. Западный фронт.

«...Нас направили из Мюнхена на пополнение 7-й дивизии. В эшелоне было триста пятьдесят человек. Когда мы добрались до Малоярославца, нас задержал какой-то офицер и сказал: «Русские наступают, поэтому вы должны остаться здесь и помочь отразить их атаки». Нас отправили на передовую линию. Там творилась полная неразбериха. Все части и все дивизии перепутались. Когда русские усилили нажим, наши солдаты побежали, а я и мой товарищ отстали и сдались в плен».

Из показаний пленного солдата Рудольфа Лацельсбергер.

«...Праздники сами по себе были более чем безотрадны: никакого покоя, почти без сна, почти полное отсутствие еды (не считая того, что мы организовали у населения), вдобавок еще 25—40-километровые марши в мороз и снег — вот что сопровождало нас в эти дни отступления на двести километров. Мы были вконец измучены. Мы слишком далеко продвинулись на машинах, но зато отходили назад пешком... У меня сегодня ночью телефонная служба под открытым небом. Мороз сорок пять градусов, и, несмотря на это, я всё время слышу с соседнего участка пулемётную стрельбу: русские беспрестанно атакуют...»

*Из письма ефрейтора Пауля Фритц, п.п. 25256 Д, служащим бухгалтерии чугунолитейного завода в Тале (Гарц).
24 января 1942 г.*

«...К сожалению, здесь разыгрались очень и очень грустные события. Из якобы стратегических соображений мы отошли на несколько сот километров. Невозможно описать, сколько автомобилей и других транспортных средств, орудий и прочих военных машин было взорвано и погибло. Я думаю, что это отступление нам стоило больше, чем весь поход в Россию».

*Из письма солдата Курта Коттов семье
Грасс в г. Лайсниг. Западный фронт.
Январь 1942 г.*

«...Спасайся, кто может! Разбитая, смешавшаяся армия отступает. Люди растеряны. Потери огромны. Так, видимо, отступал со своей армией Наполеон. Днем и ночью заседают полевые суды».

*Из дневника унтер-офицера 2-й роты
42-го немецкого отдельного противотанкового дивизиона Платцер. Западный фронт.*

«...Эта сумасшедшая местность,— где мы находимся,— настоящий адский котел: с первого же дня бои и бои, день и ночь, в снегу, при ледяном холоде. Рота уже сильно уменьшилась: много убитых и раненых. Как раз когда я получил твое письмо, было прямое попадание в мою избушку. Мне посчастливилось! Русский — опасный противник: стреляет со всех сторон. Позавчера мы отступили, после того как два дня и две ночи пролежали в снегу, причём под сильным артиллерийским и пулемётным огнём. Это происходит уже четыре

недели, днём и ночью. Ежедневно мы несём потери. Я не знаю, почему со мной до сих пор ничего не случилось, впрочем, это может наступить каждую минуту. Как раз опять стреляют, и через полчаса я должен опять идти. Мы не знаем больше сна, мытья, чистого белья и бритья. У меня выросла большая борода. Вчера опять было несколько прямых попаданий в нашу деревню. За нашу жизнь никто не даст больше пяти пфеннигов...»

Из письма унтер-офицера Р. Фрир, п.п. 23188, жене в Кельн. 27 февраля 1942 г.

НЕВЕСЁЛОЕ РОЖДЕСТВО

«...Неужели ещё придётся здесь провести рождество? Каждый из нас предпочел бы десять лет совсем не праздновать рождества, но выйти из этого бедствия».

Из письма солдата Эрнста жене.

«...Нас атакуют почти каждый день. На пред-рождественское настроение и намёка нет. И само празднование рождества будет довольно жалким. Милая Вальтраут, только что был получен приказ: через час мы отступаем, деревня поджигается. Мы надеялись пробыть здесь дольше. По всей вероятности, мы сможем провести рождество несколько глубже в тылу и спокойнее. И надеюсь, что мы будем продолжать отступать, пока не дойдем до родины...»

Из письма солдата Рейнца приятельнице Вальтраут. 13 декабря 1941 г.

«...Решил вам сегодня вечером написать несколько строк, чтобы вы видели, что я, несмотря на бои, в которых мы участвуем, не забыл вас. Времени у меня не очень много, вы себе и представить не можете, какие к нам здесь предъявляют требования. Русские нам уже много раз здорово всыпали. Ну, всего я вам писать не могу и не должен. Приближается рождество, а мы всё ещё торчим в России. Вы не поверите, как мы уже проклинаяем эту страну. Надеюсь, что война скоро кончится, или же нас надо сменить, так как мы сейчас никуда не годимся и с нами ничего предпринять нельзя: у нас слишком большие потери..»

Из письма ефрейтора Гюнтера Мейнеке, п.п. 33567 А, родным. 15 декабря 1941 г.

«...Я вам уже написал письмо и новогоднюю открытку, но не мог их отправить, так как мы не престанно находимся в соприкосновении с врагом, и все мои письма попали в руки русским. Нам теперь не до смеха, чаще хочется плакать. Мы стоим иногда целый день под открытым небом, я уже отморозил себе два пальца и ухо, другие отморозили себе ноги и руки. Если так будет продолжаться, то нам скоро придёт конец. О праздновании рождества у нас нечего и думать, я не предполагал, что мы как раз сейчас попадём в такое скверное положение. Должен кончать, кажется, русский собирается произвести нападение...»

Из письма солдата Иоганна родным. 16 декабря 1941 г.

«...16.XII. Рождество 1941 г.; как мы его проведём? Ещё отступая, или нас уже сменяют? В 9 часов мы вышли в расположенный дальше в тылу населённый пункт. Там стоял генерал и подбадривал каждого, призывая нас мужаться. Мы должны удержаться до наступления темноты. Нас сменяет III батальон. Ночью нас опять чуть не окружили. С тыла нас обстреливает танк. Выходим в полночь.

21.XII. Русский палит что есть мочи. Порядочно раненых. Рождество? Все огорчены, что мы вынуждены праздновать рождество при таких тяжёлых обстоятельствах.

23.XII. У нас никак не возникает рождественское настроение. Почты нечего и ждать! Хлеба не было, праздник будет, кажется, очень печальный и единственный в своем роде. Кормиться нечем, квартир нет, теплой комнаты нет, плохое обмундирование, больной и изнурённый, — вот немецкий пехотинец. Положение на фронте вопиющее...»

*Из дневника ефрейтора Отто Дейхлер,
п.п. 25011 А.*

«...Когда ты получишь это письмо, рождество уже пройдёт, чему, я думаю, мы оба будем очень рады. Никогда мне не было грустней, чем в настоящий момент! Описать испытанные нами лишения, холод и усталость невозможно. А на родине твердят без конца по радио и в газетах о том, что наше положение благоприятно. Мы уже больше недели в пути, а что это означает зимой,— тот, кто сам этого не пережил, представить себе не

может. Холод ужасный. Много народу отморозили уже себе ноги. И голод нас тоже мучает! Как видишь, ничего радужного. Несколько дней назад я чуть не свалился, но, несмотря ни на что, нужно двигаться... Если можно, пришли мне, пожалуйста, немного хлеба, хорошо? Когда наступит конец?»

*Из письма ефрейтора Карла Оде,
п.п. 17566 Е, жене. 18 декабря 1941 г.*

«..В отпуск на рождество никто не уезжает, так как нас осталось слишком мало. В нашей прежней роте насчитывается только двадцать пять человек, а при выступлении в Россию нас было сто сорок. Когда я обо всём этом думаю, то просто не могу понять, почему я ещё в живых. Тому, кто уцелел под этим градом пуль, особенно повезло... 1 декабря мы пошли в наступление. Но уже 3-го мы вынуждены были вернуться обратно на наши старые позиции. Если бы мы не отступили, то мы бы сейчас были все в плену».

*Из письма ефрейтора Иозефа Вейман,
п.п. 66892 В, Ганне Бедигхеймер. 18 декабря 1941 г.*

«...Рождество я пережил благополучно, но в жизнь свою я его не забуду. Уже накануне сочельника русский атаковал нас крупными бронесилами... Танки приближались на пять метров к нашим позициям, в их числе много 52-тонных. Все они были выкрашены белой краской. Мы уже прощались с жизнью. Можешь мне поверить, что удовольствие это небольшое. Днем русские зарываются

в снег, а ночью атакуют. Этому просто не верится, но мы видим это собственными глазами. Таково было наше рождество; к сожалению, ещё несколько товарищей должны были поплатиться жизнью...»

*Из письма неизвестного солдата жене.
27 декабря 1941 г.*

«...Хочу тебе скоренько описать, как я провел рождество. Дела наши неособенные... Последние 3 дня перед рождеством было такое настроение, что и рассказать невозможно. Каждый из нас думал уже, что не доживёт до праздника. За эти дни у нас выбыло из строя около девяноста человек».

*Из письма неизвестного солдата жене.
30 декабря 1941 г.*

«Мои дорогие! Русские ведут себя до сих пор очень неприятно для нас. Рождественские подарки мы получили ничтожные. В газетах будет написано большими буквами, что мы получили большие подарки, в действительности всё это неправда. На рождество мы не получили даже приличного обеда, хотя мы его и заработали. Мы к этим обманам общественности привыкли — это у нас не в первый раз. Сколько слёз будет пролито! Сколько погибших отцов, сыновей, женихов, которые больше не увидят своей родины! Они покоятся здесь, в русской земле».

Из письма сфрейтора Готгельфа Трауб

ДНЕВНИКИ ОТСТУПАЮЩИХ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

«...30.XI. ...1 декабря должно начаться наше большое наступление.

1.XII. ...Без четверти семь наша артиллерия открывает огонь. В течение дня продвинулись вперёд, но цель всё же достигнута не была.

3.XII. ...В 3 часа объявляют, что мы снова должны отступить. Итак, опять в движении, уже 12 часов на ногах. Мы действительно отступаем. Я смертельно устал, едва могу идти. Еды слишком мало. Занимаем наши старые доты у опушки леса...

6.XII. ...Двадцать пять градусов мороза. Утром русские открывают беспокоящий огонь... Они наступают...

15.XII. Целую ночь мы провели в пути. Очень долго стояли на морозе, это было ужасно... Утром мы вновь вернулись в Кочино, откуда мы вышли. Занимаем оборону.

18.XII. В 5 часов утра со всех сторон сильный шум боя. Наши войска поджигают два населённых пункта; мы опять должны отступить.

19.XII. Русские вторглись в деревню; 332-й полк не обеспечил караула, мы вынуждены были отступить в Белозерово.

15.I.1942 г. В 4 часа утра тревога. В 7 часов мы должны явиться в полк для охраны деревни. Еды никакой... Деревню обращаем в пепел. Начинается «планомерное» отступление. Всё небо освещается

щено заревом пожаров. В 11 часов подходят все остальные, немедленно идем дальше в Можайск.

16.I. Двадцать пять градусов мороза. В 4 часа приходим в Можайск, но никому до нас дела нет. С трудом отыскиваем квартиру у гражданских и спим до 10 часов. В половине одиннадцатого выступаем дальше. Снабжение отсутствует совершенно. Вдобавок нам нужно было ещё тащить сани. Мы немедленно прицепились к одному гражданскому и забрали у него его сани вместе с лошадыю. На дороге целые колонны отступающих. В пути мы с боем доставали себе еду. Только к вечеру добрались до нашей роты. Голод и жажда. Первый батальон расформируется.

17.I. Шли всю ночь и в 9 часов пришли в ближайший населённый пункт...

18.I. Снова отходим в ближайший населённый пункт.

19.I. ...Утром я был в батальоне, вдруг в 12 часов опять выступление. Русский нас очень теснит.

20.I. Сорок градусов мороза. Немедленно отправляемся дальше.

21.I (последняя запись). Продолжаем отступление».

*Из дневника Густава Рамштейн,
п.п. 36502 (61-й полк) (обозный парикмахер).*

«...Фланги наши открыты с обеих сторон. Ночью приказано быть в боевой готовности. Последние дни выбыло из строя много обмороженных. У нас было только наше обычное зимнее обмун-

дирование: тонкая фуфайка, вязаные перчатки и подшлемники. Но при этих необычных стойких холодах это всё равно что ничего. Ночью тревога! Два русских тяжёлых танка вторглись в деревню. Враг наступал. Пехотные и тяжёлые орудия открыли бешеный огонь. Русский атакует при поддержке интенсивного огня своих тяжёлых орудий, 9-я рота вынуждена отступить. Рота резерва направляется в контратаку. Деревню нужно обязательно удержать. Наши тяжёлые орудия бьют, что есть мочи... Светает, и уже вновь начинается вражеский огонь. Мы должны обороняться с трех сторон. «Орган» поджег ещё несколько домов. Большая часть лошадей убита или ранена. Спрага извещают о первой атаке. Чорт возьми, они подходят сзади! С тыла подходит рота для подкрепления. Но от неё тоже пользы не будет: во время последней атаки русский потеснил наш передовой эшелон. Мы едва могли сдержать его мощный натиск... Будь они трижды прокляты, сколько же у них боеприпасов! Они обкладывали нас как никогда. Убийственный артиллерийский огонь длился час. Русские самолёты кружили над нами, обстреливали нас из бортовых орудий и сбрасывали бомбы. Сколько ещё ждать? Возможно ли спастись? Вдруг примчался связной: «Приказ: всем готовиться. В 23 часа оторваться от врага. Тяжёлые орудия отрываются уже в 21 час. Мы собираемся в Наташине. Там будет проходить главная линия сопротивления». Связной исчезает. Что такое? Отступить? Оторваться от

врага? С нами этого вообще никогда ещё не случилось. Почему? Разве нельзя было прислать нам подкрепление? Тридцать километров от Москвы и затем назад. Это было горько. Но как выбраться? Под этим огнём? Он разил всё и всех. Началась подготовка к «отступлению». Каким странным казалось нам одно это слово. Проклятие, они никак не прекращают своей дикой стрельбы. 16 часов. Не вздумают ли они ещё атаковать? Вне всяких сомнений! Постепенно темнеет. Это ожидание — какая мука. Выберемся ли мы всё-таки? Лишь бы нам благополучно убраться. Трещит телефон. В чём дело? «Мероприятие, назначенное на 23 часа, выполнить немедленно». Каждый должен попытаться уйти. То, чего нельзя захватить, остаётся. Итак, самое настоящее бегство. Русские наступали с трех сторон. Русский чует добычу. Он снова усиленно обстреливает деревню... Добираемся до единственной свободной ещё дороги отступления. В деревне шум боя. Русские заметили наш отход и вторглись туда вслед за нами. Мы кое-как отступаем. Убитых и раненых мы, к сожалению, вынуждены были оставить...»

Из записок неизвестного немецкого офицера, убитого под деревней Грязцы Московской области.

«29.XI. В 11 часов выступление. От нашей цели до Москвы остается, говорят, всего тридцать-тридцать пять километров. Наша борьба закончится лишь с падением Москвы!»

В одной деревне был захвачен партизан, поддерживавший связь с большевиками.

1.XII. Бушует ужасный буран. Россия показывает свое истинное лицо. В разговорах на первом плане отпуск.

2.XII. С утра до 16 часов стояли в лесу и отчаянно мёрзли. Красные развивали здоровую деятельность в воздухе. При наступлении темноты мы оторвались от врага. К сожалению, у нас были убитые.

3.XII. Этот день я отметил в сентябре восклицательным знаком в моем календаре: где мы будем, что мы будем делать? Если бы мне тогда сказали, что в этот день мы ещё будем находиться в бою, то ответ был бы один: нелепость. Разведка сообщила, что перекрёсток дорог занят врагом.

4.XII. Приказ корпуса: атаки пока не производить. Красные, видимо, бросили в бой новую дивизию. Сегодня настроение у меня несколько подавленное.

6.XII. Мы начинаем отступать. Все деревни сжигаются, колодцы приводятся в негодность.

8.XII. В 6 часов 30 м. удираем. Поворачиваемся спиной к фронту. Части отходят отовсюду. Почти что «победоносное отступление». Сапёры усердно выполняют роль «поджигателей».

11.XII. Ночью тревога: прорвались русские танки. Это был единственный в своем роде марш. Снег освещен багрово-красным пламенем, ночь превратилась в день. Время от времени взрывы взлетаю-

щих в воздух боеприпасов. Так мы отступили на шестнадцать километров в снег, по льду и в холод. Улеглись, как сельди в бочке, с холодными и мокрыми ногами, в одном доме у Истры. Мы должны оборудовать здесь позиции переднего края обороны.

12.XII. Начался дождь. Должны были охранять одну дорогу. До 13 часов удерживали позицию, затем начали отступать. Настроение в роте ужасное. Я очень, очень мрачно смотрю на нашу судьбу. Надеюсь, что слишком мрачно. Едва мы вышли из населённого пункта, как туда ворвался русский с семнадцатью танками. Наше отступление неумолимо продолжается. Куда? Всё время задаю себе этот вопрос и не могу ответить.

13.XII. Должны удерживать лес до 11 часов. Настроение ниже нуля, нас атакуют танки и казаки. В 10 часов утра давление сделалось слишком сильным, мы удрали и промаршировали десять километров назад, к новой главной линии сопротивления, которая должна быть удержана во что бы то ни стало. Она проходит в окрестностях села Горки, мы его уже как-то посетили при нашем наступлении. Вет ледяная метель, и нечего ни погрызть, ни покусать. У меня у самого чрезвычайно тяжело на душе, и я должен сознаться, что наше руководство поступало легкомысленно, не учитывая возможного контрнаступления русских. Нижние офицерские чины враждуют друг с другом, а бедный голодный и холодный пехотинец должен отдуваться за всё. В отчаяние притти можно...

14.XII. 106-я пехотная дивизия опять отступила и оголила, таким образом, наш левый фланг. Нам поэтому ничего больше не остаётся, как обратиться в бегство. В ночь и в туман отходили мы по лесным дорогам. Суматоха; орудия бросаются,—это была просто ужасная картина, напоминавшая времена Наполеона. Поздно ночью мы пришли в один населённый пункт, битком набитый войсками. Мы вынуждены были поодиночке ходить кланяться, чтобы нас приютили. Здесь мы узнали, что наша повозка осталась в Горках: лошади выбились из сил, а русские уже наступали. Все наши одеяла, личные вещи, фотоаппараты, пленки и т. д. — к чорту.

15.XII. Только я хотел вскрыть посылку, присланную мне родителями 10.XI, как вдруг объявили тревогу.

Русские продолжают наступление. Началась дикая сумятица — все бегут очертя голову. Мы тоже подхватили наши сани без лошади и помчались... Отошли на десять-пятнадцать километров. Дороги были забиты на протяжении многих километров. Сколько здесь всего побросали! Ужасное зрелище. Лучше не думать, но туго существовать со дня на день. Здесь приложимо то, что говорилось во время мировой войны: юноши превращаются в стариков. Русская авиация разбила часть обоза. Тридцать убитых и много тяжело раненых. Слов нет, чтобы описать эти картины.

В 18 часов мы, смертельно усталые и продрог-

шие, пришли на место. В этот вечер нам суждено было узнать ещё одно ужасное известие. Лейтенант Лёш, наш офицер-ординарец, убит! Даже могилы у него нет. Батальон был окружён и должен был, бросив все машины, пробиваться через лес. Неужели ещё не конец этим тяжёлым, очень тяжёлым ударам судьбы, поражающим нас? Каждый спрашивает себя: вернёмся ли мы опять домой, увидим ли снова нашу родину? Говорят, что сменяющие нас части уже в пути, но когда они придут и где они нас застанут? Если мы отойдем ещё на сто километров, то будет уничтожен 5-й армейский корпус, и, может быть, и другие части вовлекутся в эту ужасную катастрофу. В таком случае победоносный исход войны будет поставлен под большой вопрос. Непрерывный поток обмороженных, раненых, убитых. И — что самое ужасное — настроение у людей ни к чорту, и уверенность в победе исчезла!

17.XII. В 5 часов выход на новую линию «главного сопротивления». Удержимся ли и здесь? Тревога и выход на новую линию главного сопротивления. С 2 часов ночи до 12 часов дня стояли в лесу. Говорят, что окончательная линия главного сопротивления проходит в десяти километрах за Волоколамском. Похожее на бегство выступление. Идём целую ночь двадцать километров. Все окончательно выбились из сил.

18.XII. Устали невероятно! Волоколамск мы прошли ночью. Выход в 12 часов. Пришли в де-

ревню, где мы уже как-то раз стояли. Вечером снова тревога. Выступаем на главную линию сопротивления.

21.XII. В 6 часов узнали, что враг снова прорвался в расположение 3-й дивизии. Браухич и Бок вышли в отставку. Приказ фюрера. Удержимся ли мы? — вот мучительный вопрос.

1.I.1942 г. Счастливого нового года! — Выход батальона на новые позиции. Ротам приходится плохо. Мороз стоит как никогда ещё (30°). К нам примыкает спешенная 2-я танковая дивизия. Все танки к чорту.

6.I. Нам опять придется поворачивать оглобли: справа от нас прорвались танки. 1-й батальон уничтожен и рассеян. Всё наше отделение в чистую — хоть шаром покати.

7.I. Сейчас русский обкладывает нас. Положение просто отчаянное...»

*Из дневника сфрейтора Отто Рейхлер,
п.п. 25011/A.*

«16.XII. Приезжает штаб... Стремительное отступление...

30.XII. Регулярные визиты самолётов с бомбами.

5.I. Ни почты, ни картошки. Ни света, ни дров. Ни гвоздей, ни инструмента, ни зимних вещей, ни отпуска.

8.I. Конъюнктивит. Русские опять прорвались.

9.I. В 1-м взводе одиннадцать убитых, двенадцать пропавших без вести...

10.I. Рота не возвращается. Её обстреляли. Нет ни продовольствия, ни боеприпасов, ни оружия. Русские великолепно одеты и вооружены.

11.I. Рота возвращается. Отмороженные конечности. Одиннадцать убитых, пять раненых. Все тяжёлые ранения...

14.I. Снова обстрел и отступление. Циркулируют самые дикие слухи.

16.I. Пулемётов нет. Русские прокладывают свои провода и отводят наши...

21.I. Русские нападают на Мальвиху. Унтер-офицер Хенкель убит. Подавленное настроение.

23.I. Снова обстрел. Русские атакуют. У капитана ранение в голову. Один лейтенант и один обер-лейтенант ранены (в живот). Вечером новая атака русских.

21.I. Дикая стрельба по деревне. Русская разведка. 1 убитый, 2 пленных. Вечером прибывает 7-й пехотный полк: вместе отступаем. Свински холодный ветер. Мёрз в постели. Офицеры ищут у себя вшей. После обеда пехота снова удирает. Снова одни. Настроение соответствующее. Выбыло из строя сто тридцать шесть человек, двенадцать ротных командиров. Ротой командует фельдфебель, и он же адъютант.

30.I. Фюрер снова говорил. Но что?

1.II. Дьявольская пушка русских: нас вышло в поход сто пятьдесят человек, осталось только пятьдесят. Русские днём спят в лесу, а ночью атакуют.

2.II. Кормимся одной кониной. Вечером дикий артиллерийский огонь.

3.II. Даже конина делается редкостью. Продовольствие доставляется на танках. Лейтенант Альбрехт убит. Кто следующий?

5.II. Спустя месяц вернулась часть обоза. Что делается там наверху?..

9.II. Утром жуткая канонада. Русские сидят уже в Парфине. Вечером зловещая тишина... Гастроль русских самолётов.

10.II. Оживленная деятельность русской артиллерии. Лейтенант Гэбель тоже удирает. А мы?.. Опять русские бомбы.

11.II. Целую ночь сыплются бомбы. Чертовски неприятное чувство. Не окружены ли мы? Штаб батальона в деревне. Всеобщее отступление и чрезвычайная нервозность...

12.II. Приказ фюрера: удержать позицию. Само собой разумеется, вечером уходим».

*Из дневника неизвестного фельдшера
немецкой армии.*

«...16.XI.1941 г. Вот и долгожданный день наступления. Оно должно служить прелюдией к окружению Москвы. Мы надеемся, что после этого нам удастся занять укрепленную позицию. Может быть, нас даже выведут или сменят. С началом борьбы связываются самые смелые ожидания.

23.XI. Наступление продолжается. Но роты истекают кровью, атакуя укрепленные, замаскированные лесные позиции, и терпят тяжёлые потери. Лейтенант д-р Рихтер, стоявший во главе 11-й роты, убит на шоссе Звенигород—Истра. Наполо-

вину отчаявшись, я ищу 6-ю роту, назначенную для диверсии, и натываюсь на лишённую руководства и находящуюся в смятении 11-ю роту. Мне стоит большого труда привести её в порядок и дать ей новое применение.

Целый день идут ожесточённые бои. Наши потери, к сожалению, очень велики, особенно среди командного состава. Наши люди, находящиеся в деле с самого августа, очень измучены и переутомлены. Душевное состояние их крайне подавленное. Много народу выбывает из строя в результате активных действий со стороны противника, а закрыть образовавшиеся бреши нечем. Наша боеспособность уменьшается с каждым днем. Если две недели назад в роте было семьдесят человек, то сегодня их только сорок, а завтра будет лишь тридцать пять. Некоторые начинают уже высчитывать, когда придёт их очередь. Всё это никоим образом не повышает боевого духа. Часть солдат отупела и равнодушна. Они лишены энергии, подводят своих командиров. Ими используется каждая возможность, чтобы уйти в тыл. Излюбленный предлог — сопровождение раненых. Возглас «Санитар!» встречает в сражении необыкновенный отклик, в то время как на возглас «Пулемёты вперед» никто не отзывается. Все эти безрадостные явления, которых наш полк раньше не знал, скрыть нельзя, и они составляют главный предмет наших забот. На вопрос, почему не позаботились своевременно о резервах, которые могли бы сменить потерявшую боеспособность часть, мы отве-

тить не можем. Командир нашего полка еще в Вишенках неопровержимо доказал высшим служебным инстанциям, что тетива может скоро лопнуть.

5.XII. ...К обеду беспокоящий огонь усиливается. Тяжёлая дальнобойная русская артиллерия подвергает местечко уничтожающему огню. Ракетные снаряды разрываются в самом его центре. Без сомнения, всё это означает подготовку к атаке. Как всегда в решающие моменты, все провода оказываются повреждёнными огнём, а радио вследствие слишком больших холодов также не работает. Состояние гнетущее и неясное. В деревне непрерывно рвутся тяжёлые снаряды. Видимо, и танки принимают участие в этой разрушительной работе... Несколько тяжёлых танков приближаются к деревне. Мы с нашими средствами бессильны против этих чудовищ.

Этот день стоил нам снова одиннадцать убитых, тридцать девять раненых. У девятнадцати солдат тяжёлые обмороживания. Потери среди офицеров значительны. Лейтенант Вецель легко ранен осколком. Теперь я последний из плауэнских юнкеров.

Наше обмундирование ни в какое сравнение не идёт с русским зимним снаряжением. У противника — ватные брюки и куртки. На нём валенки и меховые шапки.

8.XII. Русский прорвался в деревню. Проклятое свинство! Несколько домов горят. Масса людей, отбившихся от своих частей. На фоне дрожащего отблеска пламени я вижу русских.

Тыльные отряды, согласно приказу, отрываются от противника и поджигают оставляемые деревни. Многочисленные большие пожары освещают ночное небо.

12.XII. В правом (УП) корпусе противнику удалось прорваться на угрожающую глубину. Опасаются нарушения нашей связи с тылом... Только этого свинства нам нехватало...

14.XII. ...Вражеский прорыв в нашем тылу ликвидировать не удалось. Угроза возросла. Собираемся произвести новый отрыв от противника. Пока что для этого намечается вечер 15 декабря.

Сегодня настроение не воскресное. Говорят, что несколько вражеских подразделений оседлали уже дорогу снабжения дивизии у Огаркова. Завтра утром приказано сняться с позиции. Всё это весьма горько. Теперь мы практикуем род боя, которому мы не обучались!

С невероятным трудом, при помощи совершенно недостаточных средств мы вскопали землю — мы её буквально скребли ногтями — и устроили довольно жалкое убежище. На это ушли последние строительные средства. У сапёр не осталось больше ни единого гвоздя, ни кусочка проволоки! А теперь мы должны отдать всё это, должны снова предоставить врагу завоеванную в победоносном наступлении территорию. Боже мой, боже мой! Какое преступление мы совершили, что нас так наказывают?

Положение наше сделалось критическим. Нас могут отрезать. Необходимо немедленно оторваться от врага. Последний срок 20 час. Дело не терпит!

Марш продолжается всю ночь. Положение нам неизвестно, все телефонные провода повреждены. Отрезал ли нас враг?.. Начинаются первые заторы, так как другие полки отступают в одно и то же время с нами. Но самая худшая неразбериха начинается в ближайшем населённом пункте (Львово). Туда откатываются части нескольких дивизий, и целые колонны их преграждают дорогу. Мы должны пересечь её. Только отбросив всякую деликатность, смогли мы пробиться...

15.XII. С рассветом идём дальше. Длинной вереницей тянутся отступающие войска. Противотанковая рота полка теряет несколько пушек, а также артиллерийские тягачи. Много машин мы вынуждены бросить из-за отсутствия горючего.

В Денисихе мы попадаем в невероятный хаос конных повозок. Я вынужден включиться в одну движущуюся передо мной колонну. Скоро и она останавливается. Ни тпру, ни ну. В нескольких километрах впереди нас трудное место, которое нужно преодолеть. Ездовые распрягают лошадей и гонят их обратно в деревню. Всякие протесты против этого безуспешны...

16.XII. Какие потрясающие картины представляются нашим глазам! Я думал, что они были возможны только при отступлении французских войск в Западном походе! Разбитые и опрокинувшиеся машины с разбросанным грузом; часто они были оставлены слишком поспешно. Сколько здесь бросается драгоценных боеприпасов без основательных причин. Во многих местах не потрудились даже

уничтожить их. Можно опасаться, что этот материал обрушится потом на наши же головы. Мораль и дисциплина очень пострадали во время этого отхода.

...Мы проезжаем через Вишенки, прежнее местопребывание штаба полка. Здесь мы провели много тревожных часов. Тогда, наверное, никто из нас не думал, что мы когда-нибудь вновь увидим эту деревню. Если тогда, во время распутицы, положение наше было уже мало радостным, то сейчас оно куда хуже. В результате тяжёлых потерь мы стали ещё слабее. За это время мы получили 200 человек пополнения, взятых из тыловых частей (ветеринарных рот, транспортов конной тяги и обозов), не взирая на возраст, использование, семейное положение и пр. Относительно боеспособности этой «затычки» двух мнений быть не может, многие не вполне владеют даже собственной винтовкой.

...Проезжаю через почти обезлюдевшую Рузу.

Мы останавливаемся на прежней квартире полковника Раака. Ночью приходит приказ организовать оборону. Больше не отступать. Линию Рузы надо держать до последнего. Сама Руза превращается в предместное укрепление.

17.XII. Наблюдаешь совершенно невероятные картины. Кругом бродят совершенно опустившиеся фигуры, оборванные, как бродяги.

19.XII. Сегодня у нас зарегистрировано невероятное число отправленных в госпитали 97 человек.

21.XII. Воскресенье. Несколько дней, как участок, занимаемый полком, также подвергается беспокоящему огню, поэтому есть потери. Противник нащупывает почву также и у нас... Дело доходит до местных боёв, в результате которых потери продолжают. Несколько человек попадает, по всей вероятности, в русский плен.

Просьбы о пополнении делаются всё настойчивее. Сперва нас обещали укомплектовать, и недавно мы, действительно, получили около семидесяти человек, в том числе двух офицеров (маршевого батальона), но этот прирост был в тот же день сведён на-нет, так как столько же народу было отправлено в госпиталь. Новые рядовые должны были быть доставлены на самолётах. Первая партия попала в другую воинскую часть. К чему только могут привести подобные обстоятельства! Сперва губят хорошую и дееспособную часть, а затем ничего не делают, чтобы её пополнить. У людей — чувство обречённости.

Страшно удивлённые слушали мы утром сообщение о перемене в командовании военными силами. Об этом объявлено в лаконичном приказе. Я подозреваю связь между переменной и нашим отступлением.

29.XII.1941 г. Течение похода на Востоке показало, что руководящие круги много раз ошибались в оценке силы Красной Армии. У Красной Армии имеются тяжёлые гранатомёты, автоматические винтовки и танки...

В настоящее время до нас по эфиру доходят тревожные сведения из Северной Африки. Англичанину, кажется, удалось стянуть порядочно сил, с которыми он и наступает. В Ливии сейчас недостаёт тех войсковых частей, которые были предназначены для этого театра военных действий, но которые измочалены здесь, на Востоке, например, 5-я танковая дивизия.

30.XII.1941 г. Изгнанное из деревень население возвращается обратно за съестными припасами. Но мы должны быть неизменно суровыми: мы сами нуждаемся в еде. Мы отгоняем людей, угрожая им. Пусть голод закончит то, что не смогло сделать оружие!

1.I.1942 г. Когда я бросаю взгляд на истекший год, то я могу с полным правом сказать, что он дал мне много впечатлений и переживаний... Во Франции я пережил в полку у демаркационной линии время, о котором у меня навсегда сохранится самая лучшая память. Я с таким удовольствием вспоминаю о приятных вечерах в общей гостиной с её глубокими креслами, о пенящемся шампанском в бокале.

Перед моим взором всплывает уютная кухня мистера Питер в «Эскадор д'ор». На столе целая батарея бутылок с отборными винами и груда бумажных франков. Ночной налёт на кабачок Шато-Эссэ и звон колоколов Монришара свидетельствуют о бьющей ключом жизнерадостности. На дне бурлящей Шеры лежит тяжёлый придорожный камень.

Монришара; мы его скатили туда в состоянии «лёгкого» опьянения...

Утро 22 июня застало полк на передовой. В 3.05 первые снаряды дивизиона Раакке перелетели через границу... Затем следовал период постоянного движения вслед за наступающими войсками... После длительной поездки по железной дороге мы достигли Смоленска. Я ознакомился с исключительно ожесточёнными боями, во время которых обе стороны несли кровавые потери. 2 октября, в начале великого наступления, командование призывало меня в штаб полка.

Мы переправились через Москву-реку в брод, затем последовал марш на Вишенки и отражение вражеских атак, первое знакомство с сибирскими дивизиями. Начинается роковое наступление на Москву, ход которого я описал на первых страницах дневника.

Лишения и нечеловеческие усилия сопровождают нас теперь. Смерть часто подстерегает нас, протягивая к нам свою костлявую руку.

3.1. Уже несколько дней, как мы готовимся к новому перемещению. Этого, кажется, требует общая ситуация. Опять сводится на-нет всё то, что было создано тяжёлым трудом.

4.1. Так как готовых резервов нет, то каждый местный прорыв может повлечь за собой тяжёлый кризис. Командование наше совершило грубейшую ошибку. Ответственные головы летят с плеч. Даже командир нашего корпуса, любитель красивых цитат, должен был сдать руководство корпусом. Но

этим не наверстаешь упущенного: «ошибки не исправляются в итогах».

Из дневника лейтенанта Гергарда Линке, офицера штаба 185-го пехотного полка.

НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«...Сообщение верховного главнокомандования гласит, что мы повсюду достигли намеченных зимних рубежей. Эта успокоительная игра для родины,— иначе её нельзя назвать,— плохо воспринимается нами. Он невероятно умён и искущён, Сталин. И русские ведут наступление с дьявольской силой...»

Из письма солдата Матиаса Гребер невесте Еве в Кельн.

«...Мы достигли дороги Тула — Москва, но не могли удержать линию. Русский со свежими войсками начал зимнее наступление, которое принесло ему немалые успехи...»

Из письма унтер-офицера Рудольфа Майер, п.п. 09882, д-ру Мейзер в Магдебург. 11 января 1942 г.

«...Этот год был для нас тяжёлым годом: Россия ведь не Франция. Русские теперь прорвались под Москвой. Они хотят подалее отбросить фронт... Что ещё предстоит в этом году, мы пока не знаем. Хорошего теперь мало...»

Из письма ефрейтора Дамбах, п.п. 14715, жене Берте Дамбах в Швергенхейм. 14 января 1942 г.

«...Сегодня я опять принимал участие в бою. Было очень тяжело, но делать нечего,— всем приходится теперь это испытывать, так как русские беспрестанно атакуют по всему фронту. Они не обращают никакого внимания на снег и холод...»

Из письма ефрейтора Пауля Штейнберг, п.п. 01854, Маргарите Гофман в Штейн. 17 января 1942 г.

«...С подвозом сейчас очень плохо из-за массы снега и сильного мороза. У нас у всех одно желание: хоть бы скорей окончилась эта ужасная зима. Русский не оставляет нас ни на минуту в покое...»

Из письма унтер-офицера Фридриха Гергер, п.п. 01854, родителям в Габендорф.

«...Посылок, которые вы мне, может быть, отправили с родины, я ещё не получил и не знаю, где они находятся. Всё не можем добраться до нашего батальона. Мы были рассеяны русскими и очутились в котле. Бои на Западе были приятней, чем здесь, на Востоке: русский задаёт нам много хлопот. Мы перетерпели такие вещи, о которых я тебе и рассказать не могу. Даже мой вещевой мешок со всем содержимым пропал. Не плачь, что у меня всё украли: главное, я остался жив...» (На конверте пометка: Убит 23. 1. 1942 около ст. Думиничи». — Ред.).

Из письма ефрейтора Рихарда Крюгер, п.п. 16053 С, жене Анни Крюгер, в Котбус. 21 января 1942 г.

«...Здесь дела жаркие. Во время очень сильных контратак врага убиты: унтер-офицер Швейдер, ефрейторы Ассман и Штандеке. Ранены: унтер-офицеры Маниге и Бриль, ефрейторы Гарцанлек, Харберт и Пон. Бои продолжаются... Что нам здесь предстоит, один черт знает; будем ли мы сменены или вообще вернёмся ли мы когда-нибудь домой...»

*Из письма ефрейтора Руди Климке,
п.п. 10859, обер-ефрейтору Гельмуту
Гольник в тыловой госпиталь в Сосно-
вицах. 2 февраля 1942 г.*

«...Вы, вероятно, удивляетесь, почему я так долго не писал. Русские ежедневно нападали на нас. Поэтому нам часто, днём и ночью, приходилось участвовать в боях. При отступлении многие отморозили себе руки и ноги...»

*Из письма ефрейтора Курта Эрнст,
п.п. 30839 Д, матери Марте Эрнст в
Фитни. 18 февраля 1942 г.*

«...Самая сильная атака была 1 февраля. Русские совершенно не дают нам покоя: днём и ночью русская артиллерия обстреливает нашу деревню, а бомбардировщики сбрасывают на неё бомбы и гранаты...»

*Из письма ефрейтора Пауля Домански,
п.п. 30839Д, жене Лидии в Ней-Линден-
берг (близ Берлина). 18 февраля 1942 г.*

«...Прошедшие недели были полны тяжёлых боёв. 18 января русские предприняли на наши позиции наступление крупными силами. Бои происходили

при морозах в 25—30°. Число убитых дошло за это время до 300 человек. Русские не дают нам покоя ни днём, ни ночью, обстреливают нас из орудий и сбрасывают бомбы...»

*Из письма ефрейтора Вилли Пенкун,
п.п. 30839 В, Еве Яхтнер в Тантов (округ
Штеттин), 21 февраля 1942 г.*

«...К сожалению, я не мог сразу же ответить на твое письмо, так как мы переживали очень тяжёлые дни. Наш батальон находится в резерве, и его бросают туда, где происходят самые жаркие бои. Несколько дней тому назад было запланировано большое дело. На нашем участке фронта мы хотели окружить далеко зашедшую часть русских. Запланировано было хорошо. Три раза мы пытались это сделать и три раза были отброшены назад. У нас были большие потери. Я, слава богу, каким-то чудом выбрался оттуда живым. На этот раз всё дело было в нескольких секундах...

Что произошло при этом наступлении, ты, конечно, можешь себе представить: русский действовал с танками, а мы имели только два штурмовых орудия, но и они вскоре были уничтожены русскими танками. У русских к тому же ещё прекрасная артиллерия и лётчики. Что нам предстоит впереди, мы не знаем...»

*Из письма солдата Алонза Зейтнер,
п.п. 070561 С, обер-ефрейтору Гансу
Швейнгхофер, п.п. 30577, в Вену, 22 февраля
1942 г.*

«...Писать отсюда что-либо подробнее или правду невозможно. Одно только скажу определённо: кто выберется отсюда живым — тому выпало невероятное счастье. Это настоящий адский котёл. Наша рота уже намного уменьшилась. Иногда бывает жутко. Уже больше трёх недель мы день и ночь находимся в бою. Ах, да что я тебе обо всём этом пишу. Всё равно это ведь бесполезно. Должен кончить — наружи опять чорт знает что творится...»

*Из письма унтер-офицера Знагер,
п.п. 83188, Эллен Зюлер. Февраль 1942 г.*

«...Эти дни мы получаем пополнение. Давно пора было это сделать: ведь наша кучка порядочно растаяла, так растаяла, что мы вынуждены через день выходить на разведку, чорт бы побрал это занятие. Да, в России всякие дела творятся, не то, что во Франции. Я думал, что в такой холод русский немного успокоится, но куда там. Эти черти день и ночь под открытым небом и не замерзают. Напротив — беспрестанно атакуют...»

*Из письма унтер-офицера Альберта
Пеш, п.п. 09778 С, брату обер-ефрейтору
Августу Пеш, 86-й запасный пехотный
полк в Герфорде.*

СТРАХ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ ПЕРЕД СОВЕТСКИМИ ПАРТИЗАНАМИ

«...Немецкие солдаты и офицеры очень боятся партизан. Если хотят кого-нибудь испугать, то го-

ворят: идут партизаны. Каждый партизан нередко стоит трёх русских солдат. Это просто какие-то фанатики. Они не сдаются в плен».

Из показаний ефрейтора Хорста Бунке.

«...26.XII. 1941 г. Усиленный батальон русских атаковал Залесье. Появляются новые могилы наших солдат — результат артиллерийского огня, ибо деревня хорошо простреливается русскими. В связи с транспортными затруднениями питание подвозится очень медленно. В лесу хозяйничают партизаны. Они нападают на наши коммуникации, обозы и склады...»

*Из записок обер-ефрейтора Отто,
1-я рота 415-го пехотного полка 123-й
немецкой пехотной дивизии.*

«...Знаешь, Гильда, уже четырнадцать дней мы не получаем никакого продовольствия, почти месяц никакой почты. Партизаны в тылу, взрывая мосты и дороги, затрудняют продвижение обозов, и мы должны терпеть голод. Просто не находишь выражений, чтобы описать наше состояние...»

*Из письма обер-ефрейтора Н. Нойман,
п.п. 37760, Гильде Кристиан в Фриде—
зальде.*

«...Наши дела здесь далеко не в блестящем состоянии: русский задаёт нам много хлопот. Мы отступаем. Русский своим огнём мешает нам как следует укрепиться. А оставаться под открытым небом мы не можем — слишком холодно. Русский

это прекрасно знает и является ежедневно со своими самолётами и кладёт яйца под самым нашим носом... Хуже всего приходится нашим лошадям, так как кормить их нечем. За сеном мы должны ездить за 50 километров. Это очень трудно. Лошади жрут свой собственный помёт. Каждый день дохнет несколько лошадей, но я не тужу: пусть себе околевают,— тогда у нас, по крайней мере, будет мясо. Картофеля у нас больше нет. Кошина — единственное наше утешение... Если бы только не было такого множества партизан! Они являются к нам по ночам и уничтожают всё, что им попадается на пути, поэтому мы уничтожаем каждого русского, который выходит ночью на улицу...»

*Из письма солдата Германа Шварце,
п.п. 37294 С, Августу Барре в Юнзен
(Ганновер), 4 января 1942 г.*

«...Вы, наверное, уже слышали кое-что о партизанах, которые бродят по нашим тылам отрядами по сто человек... Недавно они опять напали на наш обоз с сеном, было четыре убитых и много раненых... Кроме того, нашу деревню посещают почти ежедневно русские самолёты и сбрасывают бомбы. Да, на войне, здесь, в России, приходится сталкиваться со всякого рода трудностями. И дальше будет ещё хуже...»

*Из письма ефрейтора Эриха Лауг,
п.п. 21294 С, семье Лашер в Бойта,
10 января 1942 г.*

«...У нас, дорогая фрау Кошерек, дело дошло до точки. Русские атакуют на самых серьёзных участках. Исходные позиции обстреливаются. Нервы у всех нас напряжены до крайности. Несколько дней тому назад наша квартира сторела. У меня осталось только то, что было на мне. Что ещё будет в ближайшие дни? Писать мне не удаётся. Информбюро с таким спокойствием сообщает: оборонительные бои на северном участке. Но какой это ад! Леса нами не заняты: там хозяева партизаны. Выдержим ли мы этот натиск? Бои длятся уже много дней и будут ещё долго длиться. «Господи, да будет воля твоя» — вот наша молитва вечером, утром, днём...»

Из письма солдата Пауля знакомой Кошерек. 10 января 1942 г.

«...Чего только мы не перенесли за последнее время... Партизаны захватили железную дорогу и обстреляли проходящий поезд. Так как мы следовали за ним, то просто счастье, что нас не атаковали, но зато нам пришлось оставить наш мотопоезд на произвол судьбы, при этом у меня всё пропало и осталось только то, что на мне. Теперь я обо всём рассказал, и вы, дорогие родители, можете теперь иметь представление о том, что здесь творится...»

Из письма ефрейтора Рихарда Крюгер, п.п. 15053 С, родителям в Любек. 21 января 1942 г.

«...Недавно я был на фронте, а теперь мне приходится бороться с партизанами, — это самое ужасное, что может быть...»

Из письма обер-ефрейтора Карла Шуман, п.п. 05414, матери в Дрезден. 24 февраля 1942 г.

«...Русские пытаются теперь, в течение зимних месяцев, использовать парашютные десанты. Кроме того, теперь в глубоком тылу мы вынуждены вести войну с партизанами».

Из письма солдата Георга Гаар, п.п. 21670, знакомой Г. Шульц. 27 февраля 1942 г.

«...Ты бы удивилась, если бы увидела сколько нас здесь осталось — совсем немного. Сейчас мы должны бороться против партизан — это не очень приятно. Лучше был бы я на передовой линии фронта...»

Из письма обер-ефрейтора Карла Шуман, п.п. 05414, знакомой Иригард. 27 февраля 1942 г.

«...Дорогая мама! Я должен сообщить тебе печальную весть: 23 февраля убиты партизанами четверо моих лучших товарищей. Я очень подавлен... Днём я работаю в мастерской, а ночью ещё несу караул. Нам, работающим в мастерской, всё же лучше, так как не приходится бывать на передовых линиях фронта. Но осмотрительным нужно быть и здесь: русские партизаны часто являются сюда...»

Из письма ефрейтора Людвиг Шмалленбергер, п.п. 19226, матери в Отвейлер (Саар). 27 февраля 1942 г.

«...7.XI. Сегодня русский национальный праздник. Выставляем экстраординарный пост, так как ожидаются нападения партизан. И, действительно, было совершено нападение на продовольственный обоз 253-й дивизии.

8. XI. Так как 1-я рота переходит в другую деревню, то 3-я рота прикомандировывается к штабу для защиты от партизан.

13. XI. ...Вечером рота занимает позицию в деревне, ожидается наступление партизан, численностью, говорят, в 1 200 человек.

14. XI. В час ночи узнаём, что рота должна выступить. Её посылают против партизан.

21. XII. Русские продолжают нас атаковать. Отто Вийорек ранен партизанами. Ночь длится шестнадцать часов. Каждый стоит восемь часов. Первые часы ещё так-сяк, но потом до такой степени устаёшь, что едва держишься на ногах. О бдительности и речи быть не может.

1. I. 1942 г. Встречаем новый год без особого торжества и каких-либо формальностей. Ожидаем нападения партизан».

*Из дневника ефрейтора Хензелер,
п.п. 31509 (противотанковое подразделе-
ние 123-й дивизии).*

«...Когда же, наконец, мы получим отпуск? Теперь у нас опять чорт знает что творится. Десять дней назад из всех рот нашего полка была отбрана рота для борьбы с вражескими парашютными десантами и партизанами. Это просто безу-

ние — на расстоянии почти двухсот километров от фронта, в нашем тылу, сейчас идут активные боевые действия, как на передовых линиях. Гражданское население ведёт здесь партизанскую войну и всячески нам досаждают. К сожалению, это стоит нам всё новых и новых потерь».

*Из письма солдата Георга знакомой
Геди. 27 февраля 1942 г.*

III. ОТСТУПАЮЩАЯ НЕМЕЦКАЯ АРМИЯ

Воодушевлённая своей благородной целью Красная Армия, отбив атаку на Москву, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление и погнала на запад немецко-фашистских захватчиков. Немецкое командование, не ожидавшее такого радикального изменения обстановки, должно было принять все меры, чтобы предотвратить полный разгром своих армий. Под Москвой завязались ожесточённейшие бои с озлоблённым неудачами противником. Гитлер, объявивший себя главнокомандующим, посылал приказ за приказом, в которых грозил своим отступающим войскам самыми жестокими карами. Он приказал своей разбойничьей армии «всё сжигать дотла». И солдаты, следуя приказу людоеда Гитлера, как они сами признают, отступали «подобно бандитам-поджигателям».

В течение четырёх месяцев продолжалось славное наступление Красной Армии, освободившей от немецкого рабства целый ряд областей нашей страны. В течение всей зимы фашистская армия вынуждена была отходить, теряя одну позицию за

другой. Жалкое зрелище являла собой отступающая немецкая армия: физически и морально истощённая в непрерывных боях с Красной Армией, раздетая, голодная, обовшивевшая...

Только чрезвычайные меры и жесточайшие репрессии, применённые немецким командованием, помогли задержать начавшееся зимой разложение гитлеровской армии. Только возможность, из-за отсутствия второго фронта в Европе, бросить на советско-германский фронт свободные резервы, позволила Гитлеру спасти свою, основательно потрепанную за зиму армию от катастрофы.

ОРДА БАНДИТОВ-ПОДЖИГАТЕЛЕЙ

«...Сейчас мы отступаем. Ежедневно делаем примерно 25 километров при тридцатиградусном морозе. Когда русские в штатском проходят мимо, мы просто срываем с них шапки, поэтому почти на каждом солдате нашей роты надета русская шапка...»

Из письма солдата Отто Хауб родителям. 9 декабря 1941 г.

«...Населённые пункты на прежней позиции и перед новой позицией полностью разрушать (подчеркнуто в приказе.—Ред.). Срочно для этого провести подготовительные работы. Всякое проявление мягкотелости в этом отношении стоит нам крови, поэтому в своих действиях быть беспощадными. С гражданским населением обра-

щаться по тем же принципам, как и до сих пор. Всех мужчин, способных носить оружие, задерживать и отправлять на сборные пункты военнопленных. Женщин и детей с опорных пунктов передовой линии оттеснять на запад, а с опорных пунктов второй линии по усмотрению частей сгонять в одно место. ПО ВСЕМ МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ, ПОЯВЛЯЮЩИМСЯ НА УЧАСТКЕ ДИВИЗИИ ПЕШКОМ, НА САНЯХ ИЛИ НА ЛЫЖАХ, ОТКРЫВАТЬ ОГОНЬ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (подчёркнуто в приказе.— Ред.). Скот и продукты питания увозить с собой. Где нет возможности для транспортировки живого скота или большое расстояние не позволяет увести его с собой, скот убивать, а мясо везти с собой».

Из секретного приказа по 101-му немецкому мотополку 18-й танковой дивизии. № 324/12. 12 декабря 1941 г.

«...Мы отошли уже на несколько километров назад. Все оставляемые нами деревни сжигаются, всё в них уничтожается, чтобы вторгающиеся русские не имели, где разместиться. Не оставляем после себя ни гвоздика. Эта разрушительная работа — дело наше, сапёр...»

Из письма сапера Карла родителям. 23 декабря 1941 г.

«...Имеющиеся запасы сена, соломы, продуктов и т. д. сжечь. Все печи в жилых домах вывести из строя закладыванием ручных гранат

и сделать, таким образом, невозможным их дальнейшее употребление. Этот приказ ни в коем случае не должен попасть в руки противника...»

Из приказа командира 98-й германской пехотной дивизии от 24 декабря 1941 г.

«...Небо в стороне фронта (около пятнадцати километров от нас) было освещено багровым пламенем,— деревни поджигались нашими войсками».

Из письма неизвестного солдата жене Ганне. 27 декабря 1941 г.

«...Тороплюсь, пока есть время, написать вам несколько строк: мы, вероятно, отступим сегодня ещё дальше... Все деревни здесь нами поджигаются...»

Из письма обер-ефрейтора Рихарда Браунерт, п.п. 21713 Е, родителям: 31 декабря 1941 г.

«...Цепляться за каждый населённый пункт. Если данный пункт должен быть нами оставлен, необходимо всё сжигать дотла, печи взрывать...»

Из приказа Гитлера от 3 января 1942 г.

«...Невозможно описать всё, что нам приходится здесь переносить. Пожалуй, вы ещё подумаете, что всё это неправда. Но, поверьте мне, наши солдаты сейчас коченеют от холода. Они страшно

опустились и ходят грязные и завшивленные. Все намотали на себя различные тряпки, отнятые у местных жителей...»

Из письма ефрейтора Иоганна Фукс.

«...12 января. В 15 часов получен приказ из батальона: «Батальон отступает на Замошкино. Брать с собой только лёгкие вещи, всё остальное должно быть сожжено. Орудия и полевые кухни взрываются. Лошади и раненые пленные расстреливаются».

Из дневника обер-ефрейтора Отто. 415-й п.п. 123-й немецкой пехотной дивизии.

«...Вы, вероятно, уже слышали по радио о том, что фронт на Востоке, особенно на среднем и северном участках, мы должны были оттянуть назад на расстояние около восьмидесяти-ста километров. В этом «славном» отступлении пришлось и мне принять участие, и должен сказать, что эти дни были для нас тяжёлым кошмаром. Подумайте, мы отступали по ночам, при морозе в 30° и больше. Предварительно мы поджигали наши прежние квартиры, для того чтобы русский, следующий за нами по пятам, не мог укрепиться. Так шли мы по стране подобно бандитам-поджигателям».

Из письма солдата Ганса Арнольд, п.п. 10102 С. 19 февраля 1942 г.

НЕМЦЫ НА СОБСТВЕННОЙ ШКУРЕ ИСПЫТАЛИ СИЛУ УДАРОВ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

«...Ты вряд ли догадаешься, куда нас занесла судьба и в каких условиях мы сейчас пребываем... Герберт, благодари бога, что ты не здесь. Если ты хочешь знать подробности о нашей жизни здесь, то лучше всего расспроси об этом товарищей, прибывающих с центрального участка фронта».

Из письма солдата Фридриха другу Герберту. Декабрь 1942 г.

«...Я уже умирал здесь тысячами смертей и сейчас знаю, что не избежу гибели. Если бы существовал ад, он был бы не страшнее того, что я переживаю здесь. Это страшно! Это выше человеческих сил... Не существует ничего оправдывающего то, что происходит здесь. Возможно, эти слова тебя огорчат, но я хочу, чтобы ты знала, с какими мыслями и чувствами я умираю...»

Из письма ефрейтора Мартина Шик жене в Берлин. Западный фронт. Декабрь 1941 г.

«...В письме от 25 ноября ты пишешь, что война скоро кончится, у нас на это не похоже; кажется, что она делается ещё суровой. Если всё будет идти так же, как последние дни, то скоро наступит и моя очередь... Это были для нас очень тяжёлые дни. Можешь себе представить, сколько нас осталось. Писать об этом подробно запрещается, но раз ты говоришь, что война скоро кончится, то я

решил сообщить тебе, как всё выглядит в действительности».

*Из письма ефрейтора Шлирбах,
п.п. 32195. Западный фронт, жене Лине.
Декабрь 1941 г.*

«...Наша дивизия только в двух последних боях потеряла свыше 3 000 человек убитыми и ранеными. Несмотря на двукратное пополнение, в ротах насчитывается не больше пятидесяти процентов наличного состава. Начавшееся отступление немецких войск вызвано огромными потерями в материальной части и живой силе, сокрушительными ударами, нанесёнными советской армией по нашим войскам».

Из показаний пленного ефрейтора Лоренса Лезун. Январь 1942 г.

«...В связи с отступлением среди немецких войск всюду чувствуется растерянность, царит неразбериха. Приказы поступают самые противоречивые, командиры не знают, что делать. Наш полк был всё время в боях. Мы истекали кровью. С октября 1941 г. наша рота получала несколько раз пополнение. Рота потеряла 250 человек. Солдаты мечтают получить так называемый «хайматщусс» «выстрел на родину», т. е. легкое ранение. Солдаты передают друг другу следующее заявление командира 6-й роты лейтенанта Кау, сделанное им майору: «Бессмысленно продолжать войну, имея такие потери».

Из показаний пленного солдата Альфреда Торганц.

«...Курт теперь тоже в России. У него тяжёлая судьба, ведь ему едва-едва исполнилось семнадцать лет... Когда же на нашу долю выпадет счастье и мы выберемся из этой страны? Не знаю, осталась ли половина из тех, кто покинул Оффенбург и отправился в Россию. Можно себе представить, каково наше моральное состояние».

Из письма ефрейтора Франца Адениу, п.п. 11302, невесте Эльзе Рапп в Вилльштэд (Баден). 14 января 1942 г.

«...За последние пять недель у меня не было ни минутки свободной. Пять недель я ни разу не мылся. 8 недель не брился, не стриг волос и почти не спал всё это время. Сочельник я провёл в разведке при сорокаградусном морозе. На первый день праздника была атака русских и на новый год атака. Русские прорвались. Я себе отморозил уши, нос, щеки, большие пальцы и пятки. Третий день страдаю зубами. Итак, всё, что твоей душевке угодно... Холод здесь чудовищный. Когда мы вступили в Россию, нас было 185 человек, а теперь только 52, и впереди ещё тяжёлые дни ...»

Из письма ефрейтора Гергарда Скрипцак, п.п. 21720 Д, родителям в Гельбрейд-бамфельн. 15 января 1942 г.

«... Одному богу известно, суждено ли мне и оставшимся немногим товарищам увидеть ещё раз родину. В настоящее время сильно поредевшие ряды нашего полка опять находятся в соприкосновении с врагом. С начала этой войны мы

непрерывно в боях. Только надежда на то, что нас сменят, помогает нам переносить всё это. Наши страдания за последние недели описать невозможно, и иногда испытываешь нечто вроде зависти к товарищам, которых смерть избавила от всего этого ...»

*Из письма солдата Карла Эбельг фрау
Дитрих. 31 января 1942 г.*

«... Многие, не знающие ничего о нужде и борьбе солдат на этом тяжелейшем из фронтов, когда по причинам высших целей и необходимости противнику оставляют те или иные населённые пункты и пространства, считают и говорят, что битва уже проиграна.

Всё снова большевики используют комбинированные действия артиллерии, танков, авиации и пехоты. Наши танки и автомобили не могут использоваться из-за снега и оледенения дорог. Моторы и механизированное оружие крайне страдают от холода... Борьба за каждый метр земли на Востоке стала повседневным делом наших солдат. Техника, материя могут отказать. Человек не должен, так как иначе фронт рухнет... Страна лишь с большим трудом может представить себе картину страданий, которые наши солдаты должны переносить на Востоке. Наши пехотинцы не видят в эти дни ничего, кроме унылой снежной равнины и противника... Уже много дней они не снимают сапог и только мечтают о тёплой печи. Их одежда изодрана и грязна. Холод и бураны пробирают на-

сквозь. Когда они едят, им приходится не выпускать винтовку из рук. Даже когда боевые действия на время стихают, ухо должно быть всегда настороже, прислушиваясь, не подкрался ли противник. Потери должны выравниваться двойным напряжением сил оставшихся, так как иначе наш фронт рухнет...»

Из статьи военного корреспондента Баер в «Фелькишер Беобахтер». 4 февраля 1942 г.

ОБОВШИВЕВШИЕ ГИТЛЕРОВСКИЕ ВОЯКИ

«...С нами воюют ещё и вши, от которых мы никак не можем избавиться. Когда возвращаешься с караула и хочешь уснуть, то это невозможно, потому что вши кусают и ползают по всему телу. Чешешься, пока не сдираешь с себя кожу; я весь в ранах и в царапинах. Вы себе и представить не можете, как это ужасно...»

Из письма ефрейтора Артура Паледун, п.п. 30839 Д, родителям в Берлин.

«...Мы сейчас снова находимся в пути и должны были опять оставить наши прежние хорошие квартиры. О, как это жаль! Охотней всего я был бы дома, у тебя... Надо нам дать в конце-концов отпуск, иначе дело не пойдёт... Кончаю, так как вши не дают мне покоя, — нужно посмотреть, сколько их у меня опять!».

Из письма ефрейтора Фрица Шелленберг в Лобштэд. 24 декабря 1941 г.

«Дорогие родители и сёстры!... Целый день очень холодно, а ночью особенно. Больше всего мне хотелось бы пойти в отпуск, но никакого отпуска, конечно, не будет. Холодно и вши. Последнее самое скверное,— они нас совершенно съедают. Не хочется больше на себя смотреть,— так нам скверно...»

Из письма неизвестного солдата родителям. 25 декабря 1941 г.

«...Было бы очень хорошо, если бы я находился в казармах, а не здесь, в России. Теперь мы почти каждую ночь находимся на карауле, в открытом поле. Погода тоже очень плохая, идёт снег, мороз 42°. Ты не поверишь, но человек, видно, много может вынести... По-моему, самое худшее, это когда возвращаешься с поста в тепло, и вши начинают кусаться, они не только у нас, но и у офицеров...»

Из письма солдата Иоганна Триллязам, п.п. 07846, стрелку Иоганну Шульц во 2-й мотострелковый запасный батальон в Вене. 6 января 1942 г.

«...Если бы ты меня видела сейчас, когда я пишу это письмо, ты бы только головой покачала. Ты спросишь почему? Я весь в грязи и не брит, мы превратились в настоящих свиней. И к тому же вши, которые танцуют на нашем теле польку,— большое удовольствие! Всё это делает война. Мы выглядим намного старше своих лет. Правда, мне уже 22 года...»

Из письма солдата Альберта Реннеке, п.п. 27294 С, сестре Эльзе Линтц в Мюнхенберге. 6 января 1942 г.

«...Может быть я быстрее получу берёзовый крест, чем те кресты, к которым я представлен. Мне кажется, что вши нас постепенно заедят до смерти. У нас уже всё тело в язвах. Когда же мы избавимся от этих мук?»

Из письма унтер-офицера Лахер солдату Францу Лахер.

«...В течение нескольких недель при всём своём желании не мог написать тебе, так как мы совершенно неожиданно были втянуты в ожесточённую, страшнейшую зимнюю войну и с тех пор бродим, как ландскнехты, по полям. Пережили мы колоссально много. Должен сознаться, что было очень мучительно. В настоящее время я, как и все другие, очень завшивлен. Иногда за один сеанс уничтожаю тридцать-пятьдесят вшей...»

Из письма Т. Альбрехт, п.п. 22602, жене Лизель Альбрехт в Баден. 6 февраля 1942 г.

ОХОТА НА ВШЕЙ

Темной ночью под звуки шрапнели
Я с азартом охочусь на вшей
И мечтаю о чистой постели, —
Хорошо бы понежиться в ней.
По солдатской грязной коже
Вши стадами ползут и ползут...
Впрочем, кровь офицерскую тоже
Эти милье звери сосут.
Вшей не знал я, на фронт собираясь,
Но теперь я узнал их вполне,
И, средь ночи не раз просыпаясь,
Я их бью на груди, на спине.

Вы, счастливые, нежитесь дома,
Там тепло, чистота, уют...
А я ночью луплю насекомых
И весёлую песню пою:
«Мы от вошек-крошек бесимся,
Нет на свете нас вшивей...

Мы за милую родину чешемся
И в честь фюрера ловим вшей!

Из записной книжки немецкого солдата Курта Вальтер.

НЕМЦЫ ПЫТАЮТСЯ РАЗМЫШЛЯТЬ

«...На фронт солдаты ехали не с радужными надеждами, а после того, как в декабре наступление приостановилось, стало ясно, что наши дела обстоят уже не блестяще. Я лично до этого не сомневался в победе Германии. Но когда после ноябрьских сводок о количестве русских потерь совершенно перестали поступать известия о положении на фронте, я стал читать между строк геббельсовских информационных. Раз наши не идут вперёд, а выравнивают линию фронта, значит, отступают; раз не говорят о наших потерях, значит, они уже очень велики. Такие рассуждения, судя по подавленному настроению жителей Франкфурта, были у многих. Солдаты, с которыми я ехал на фронт, тоже не имели особо радостного настроения, хотя внешне это ни в чём не проявлялось. Мало кто надеялся возвратиться домой. Действительность, однако, превзошла даже самые мрачные наши ожидания: мы попали сразу же в бой и убедились, что

у русских хватает и резервов, и оружия, и смелости».

*Из показаний пленного солдата Ганса
Иоахима Зельман.*

«...Нам живётся чертовски погано! Сидим в своих г-нных дотах, можно совершенно отупеть. Кругом враг, и при этом в Германии говорят, что военная мощь России сломлена! Пускай приедут сюда...»

*Из письма унгер-офицера Вернера
Шлик, п.п. 09778 С, жене Руфине Шлик.
13 декабря 1941 г.*

«...Офицеры заявляют, что германская армия отступает из чисто стратегических соображений, но солдаты не верят этому и между собой посмеиваются».

*Из показаний пленного ефрейтора Ру-
дольфа Вестгоф.*

«...Солдаты нашей роты, которые с начала войны были на Восточном фронте, рассказали нам об отступлении из-под Москвы, о том, как их полк потерял больше половины людей и оставил русским артиллерию, другое вооружение и автомашины. У нас открылись глаза. Ведь до сих пор нам говорили, что немецкая армия «планомерно занимает зимние позиции». Мы увидели, что всё это было ложью».

*Из показаний пленного обер-ефрейтора
Вильгельма Цвингель.*

«...Я нахожусь всё там же, откуда я тебе уже писал. После того как нас дважды здорово обманули с отпуском домой, нас превратили в пехоту, так как большая часть наших машин пошла к чорту. Наши потери теперь гораздо больше, чем летом. И с нами хотят ещё стартовать вторично. Можешь себе представить, какой мы испытываем энтузиазм. Вытащить бы на передовые наших горлопанов, которые до сих пор всё ещё сидят дома. Мы живём только в чаду алкоголя, так как весь этот навоз можно переносить только в пьяном виде...»

Из письма унтер-офицера Е. О. Финклер, п.п. 28686, унтер-офицеру Вальтеру Крель, п.п. 33606.

«...Настроение солдат особенно ухудшилось после последних боёв. Солдаты на своей шкуре убедились, что приказы Гитлера и генерала Бок — это величайшая ложь».

Из показаний пленного ефрейтора М. Гаст.

IV. ОЦЕНКА ВРАГОМ БОЕВЫХ КАЧЕСТВ КРАСНОЙ АРМИИ

Уже в первый период Великой Отечественной войны советское оружие и советские бойцы вызвали восторженную оценку всего мира. Подводя итоги борьбы за этот период, товарищ Сталин в своей речи, посвящённой 24-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, отметил, что у нас было меньше самолётов, меньше танков, чем у врага. Это было одной из главных причин его временных успехов. Одновременно товарищ Сталин дал высокую оценку качеству советского оружия, высокую оценку боевых действий наших лётчиков, танкистов, артиллеристов. «Наша авиация, — говорил он, — по качеству превосходит немецкую авиацию, а наши славные лётчики покрыли себя славой бесстрашных бойцов... Наши танки по качеству превосходят немецкие танки, а наши славные танкисты и артиллеристы не раз обращали в бегство хвалёные немецкие войска с их многочисленными танками...»

В ходе зимнего наступления Красная Армия уничтожила огромное количество живой силы и тех-

ники врага, забрала у него не малое количество танков, самолётов, орудий и прочего вооружения.

Успешные наступательные действия Красной Армии с ещё большей силой продемонстрировали перед всем миром замечательные качества советского оружия, высокий морально-политический дух советских воинов. Враг на своей шкуре испытал силу Красной Армии. Сквозь стиснутые зубы он вынужден цедить слова похвалы нашему оружию, нашим бойцам. В письмах немецкие солдаты часто пишут о том, как им доставалось от русской артиллерии, русских самолётов и танков. Красная Армия заставила их уважать русское оружие.

ПРОНИКЛИСЬ УВАЖЕНИЕМ К СОВЕТСКОМУ ОРУЖИЮ

«...Все наши солдаты считают, что Германия недоценила вооружённые силы России. В боях погибло столько наших танков, самолётов. Многим солдатам ясно, что русская армия обладает очень большими резервами... Мы прониклись уважением к русскому оружию...»

*Из показаний пленного ефрейтора
Вилли Шадт.*

«...Трудно сказать, какой род советского оружия лучше, все виды оружия бьют сильно, и пехота наступает напористо. Особенно метко бьёт артиллерия. Я видел, как снаряды падали от цели

на 20 метров, но не больше. Чаще всего они попадают в цель. Почти невозможно бороться с тяжёлыми советскими танками. Большие потери мы несли от «Катюши». Сильно бьют 120-миллиметровые миномёты».

Из показаний пленного ефрейтора Густава Вальтер.

«...Судя по нашим сводкам, я думал, что у русских не осталось ни артиллерии, ни танков, что они вообще не смогут серьёзно наступать... Должен сказать, как специалист, что операция против Андреаполя была проведена русскими великолепно, умно, дерзко и безупречно организованно. За эти дни я сам увидел, насколько лживы были сообщения немецких газет об исчерпании русских резервов, о плохой организации и истощённости русской армии».

Из показаний пленного капитана Альфреда Линденталь. 14 февраля 1942 г.

«...Дорогой Карл!

Зимний поход весьма суров и требует от нас напряжения всех сил. Мы уже более месяца ведём ожесточённые оборонительные бои. Особенно много хлопот и беспокойства доставляют нам вражеские бомбардировщики и тяжёлая артиллерия. Жить можно почти исключительно под землёй, так что мы настоящие пещерные жители...»

Из письма унтер-офицера Вольфганга Зааль, п.п. 30839 Д, Карлу Вагнер в Геванлер (Эльзас). 22 февраля 1942 г.

«...Наши офицеры нам говорили, что оружие у русских плохое, но теперь мы сами убедились: у Красной Армии есть такое оружие, которого нет у немецкой армии».

*Из показаний пленного фельдфебеля
К. Егер.*

«...Тяжело приходилось при появлении ваших танков. Я с удовольствием выкинул бы из алфавита буквы К. и В.»

Из показаний пленного офицера Н.

«...Русские лучше и надёжнее вооружены для зимы, нежели мы... Они могут часами лежать перед нашими позициями при тридцатипятиградусном морозе, выжидая подходящего момента для атаки. Их молодые командиры храбры и располагают большим опытом в проведении операций».

*Из письма обер-лейтенанта Зиверс,
командира 3-го батальона 415-го полка
123-й немецкой дивизии, штурмфюреру
бригады СА в Ратенове.*

«РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ РАБОТАЕТ С БОЛЬШОЙ ТОЧНОСТЬЮ»

«...Нас основательно пощёлкали, потому что наша артиллерия сначала не имела снарядов, а теперь потеряла возможность стрелять. В противовес этому, русская артиллерия задала нам перцу, и к этому надо добавить: работает она с большой

точностью... Потом было тяжёлое наступление русских танков и авиации, словом, могу тебе сказать, что ничего подобного я ещё не переживал. При этом мы находимся на самой передовой линии. Ни одна собака не заботится о нас. И пусть никто не говорит ничего по поводу русских. Это — отважные противники. И стрелять они умеют так, что становится жутко. Можно с уверенностью сказать, что этот поход является труднейшим и стоит нам наибольших жертв...»

Из письма обер-ефрейтора Бруно Хопнер А. Эйхнеру.

«...Днём и ночью стоит адский грохот: у русских колоссальное количество боеприпасов, и вдобавок они пускают в ход свою «Катюшу». Это их засекреченное оружие... Да, дело повернулось иначе, чем мы думали...»

*Из письма солдата Пауля жене Берте.
13 декабря 1941 г.*

«...Сейчас я нахожусь в свинском положении. Наши позиции расположены в получасе ходьбы от деревни, и во время смены мы должны переходить через высоту, которая простреливается русскими. Ты не можешь себе представить, как они нас обстреливают тяжёлой артиллерией! Разрывы ложатся в трёх метрах от нас. Мы всё время лежим, уткнувшись в землю. Мне попал осколок в левую ягодицу. Может быть, весной мы вырвемся отсюда, так как наша часть всю зиму находится

в боях и из-за своей слабости больше ни на что не годна, мы — тоже...»

*Из письма солдата Вернера Эйхгорн,
п.п. 03237, брату Курту.*

«...Наша дивизия понесла огромные потери. В ротах осталось по 30—40 человек. Особенно большие потери мы понесли от русских миномётов. Буквально все, кто находился во время обстрела в домах, погибли или были тяжело ранены.»

*Из показаний пленного унтер-офицера
Вальтера Больман.*

«...Сомневаешься, придёт ли когда-нибудь ещё раз увидеть родину после этого безумного артиллерийского огня, который мы должны выдерживать день и ночь...»

*Из письма ефрейтора Стефана Оберг-
фельд, п.п. 08558 Е, Эмми Кифер в Штау-
фенн. 20 января 1942 г.*

«КОГДА ЯВЛЯЮТСЯ РУССКИЕ САМОЛЁТЫ — ТУТ УЖ НЕ ДО ШУТОК»

«...В настоящее время у нас опять творится нечто дикое. Нам беспрестанно досаждают русские лётчики. Превосходство немецкой авиации в данный момент опять почти незаметно. Вчера десять

русских истребителей на бреющем полете напали на нас в открытом поле. Могу тебе сказать, что мне было весьма не по себе».

Из письма ефрейтора Ганса Бергмозер, п.п. 08606, невесте в Мюнхен. 7 декабря 1941 г.

«...Не смею тебе обо всём писать, так как может случиться, что письмо попадёт в чужие руки. У нас каждый день новости. Никаких намёков на смену, хотя мы в России с самого начала и стоим на четвертом месте по числу потерь... Дома сейчас тоже несладко с воздушными тревогами. Мы имеем много дела с русскими самолётами, но не спрашивай, как... Русская авиация!— о ней я много мог бы порассказать. Когда они являются со своими авиапушками, то все мы стараемся хорошенько укрыться: тут уж не до шуток».

Из письма ефрейтора Гюнтера Мейнеке, п.п. 33567 А, жене Марии Мейнеке в Ганновер. 15 декабря 1941 г.

«...Дорогие родители! Вы заказали для нас четыре обедни. Молитесь за нас. Вот опять летят русские...»

Из письма солдата Иосифа Кругман.

«...Русские бомбы имеют ещё более разрушительное действие, чем самый тяжёлый снаряд».

Из письма обер-ефрейтора Курта Меглер.

«...Что касается русских лётчиков, то тут я мог бы кое-что порассказать. Каждый подыскивает себе хорошее укрытие, как только они появляются. С ними шутить нельзя».

Из письма ефрейтора Мейнке матери.

«...Русские ежедневно атакуют нас, и от лётчиков можно просто сойти с ума».

Из письма ефрейтора Рудольфа Мейнерт.

«...Ни одного дня не обходится без бомбёжки... Сегодня мы могли бы даже проверить наши часы по русским самолётам, настолько пунктуально они появляются. У нас невероятные потери...»

Из письма солдата Бернгарда Гюблер, п.п. 11610 Б, Карлу Шрейкебах в Хемниц. 9 января 1942 г.

«...Недавно я находился на выдвинутом вперёд посту и пережил там всякие вещи. Подобный зимний поход далеко не прекрасен: стоит только подумать о многих товарищах, которые погибли или пострадали от мороза. А деятельность врага!! Недавно русский налетал 12 раз подряд на бреющем полёте. Было жуткое состояние. Многим товарищам это стоило жизни».

Из письма унтер-офицера Макса Детцель, п.п. 1828, Эльзбет Блемеке в Гано-биц. 22 января 1942 г.

«...Русские лётчики хорошо знают свое дело и героически дерутся, самолёты не уступают нашим.

Особенно хороши истребители — они лучше наших».

Из показаний пленного Артура Федер (лётчика-наблюдателя).

«...Спешу написать вам эти строки о том, что я ещё жив — сейчас нельзя быть уверенным в том, что будешь жив через час. Последнее время у нас постоянные воздушные налёты — русский действует отчаянно. Как вы поживаете? Что касается меня, то со мной относительно всё в порядке, т. е. до сих пор целы руки и ноги, а это уже много значит...»

Из письма солдата Эрнста, п.п. 16218, сестре в Тронинген (Вюртемберг), 28 февраля 1942 г.

«РУССКИЕ — УПОРНЫЕ ВОИНЫ, ЭТО ТВЕРДО УСТАНОВЛЕНО»

«...Да, этот поход в Россию тяжёл и стоит много крови. Я знаю русских солдат ещё по прошлой мировой войне. Русский был уже тогда невероятно упорным противником. Теперь же к этому надо добавить ужасы танковых битв и воздушных бомбардировок, и, кроме того, надо сказать, что сегодняшней русский солдат в десять раз ожесточённее сражается, чем солдат царской армии, не правда ли?...»

Из письма Герберта Крамер сыну Бернardu.

«...Нервы мало-помалу начинают сдавать. Ежедневное стояние на посту, почти без сна и почти каждые полчаса тревога. Русским очень тяжело наступать, так как по снегу двигаться очень трудно. Но красных ничто не останавливает...»

Из письма неизвестного солдата другу Роберту. 25 декабря 1941 г.

«...Русские солдаты совершенно загадочны в своей силе и сверхчеловеческой самоотверженности...»

Из показаний пленного лейтенанта Грюндер.

«...Я хочу привести тебе небольшой пример о поведении сибиряков — мы и с ними имеем дело. Одна рота, поддерживаемая двумя отделениями сапёр, идет вперёд. Сапёры имеют специальное задание и идут позади. Они идут через лес, один за другим на определённом расстоянии. Кругом спокойно. Вдруг раздаётся выстрел. Санитар падает с простреленной головой. Снова выстрел — лейтенант хватается за руку. Между тем сапёры, находившиеся в непосредственной близости от того места, откуда раздавались выстрелы, насторожились и, обнаружив стрелка, убили его. Он сидел в трёх метрах от дороги в яме, вырытой в снегу. Он был совершенно незаметен и мог бы легко улизнуть. Но нет, он должен был сначала застрелить пару людей. Это не единичное явление, а обычный метод борьбы русских. Шансы вернуться живым из

этого скотства относятся как двадцать к восьми-десяти, следовательно, очень незначительны...»

Из письма солдата Ганса Билер, п.п. 23188, жене Эмили Билер в Гильменцен.

«...Русский упорный, или, вернее, упрямый парень. Он всё время атакует и сейчас, в особенности по ночам...»

Из письма СА—Шарфюрера, младшего врача Вернера Гельдер товарищам. 10 января 1942 г.

«...7 февраля — мы прибыли на Восток и с этого же дня находимся в боях. Только теперь чувствуешь, что такое война. Мы совсем не снимаем сапог: день и ночь бои. Вчерашний день, 15 февраля, я никогда не забуду. С 7 часов утра и до сего часа (сейчас 8 часов утра) — всё время огонь. Русские так упорны; они дерутся до последнего человека...»

Из письма ефрейтора Пауля Ланг, п.п. 10457 В, Фриде Ланг. 16 февраля 1942 г.

«...На новый год я надеялся приехать в отпуск из Франции, но отпуска отменены, и вместо родины я очутился в России. Уже с 22 января мы ведём тяжелые, ожесточённые оборонительные бои с сибирскими частями. Мы находимся в адском котле, и кто выберется отсюда с целыми

костями, будет благодарить бога. Многие из наших товарищей убиты или ранены. Борьба идет до последней капли крови. Мы встречали женщин, стрелявших из пулемёта; они не сдавались...»

Из письма солдата Алоиза Пфушер, п.п. 11706 В, родителям в Маннгейм (Баден). 25 февраля 1942 г.

«...День и ночь здесь, на центральном участке фронта, жестокие бои. Счастье, что я ещё остался в живых. У нас уже много убитых и раненых. Бог меня пока ещё сохранил. В Белом и Котове я принимал участие в жестоких боях. Многие отморозили руки и ноги, и я тоже. Только бы остаться в живых! Отказываюсь от железного креста: хочу свой крестец принести домой... Русские — упорные войны, это твёрдо установлено...»

Из письма ефрейтора Эгона, п.п. 11226/С, родным в Людвигсгафен. 28 февраля 1942 г.

«...Целью командования противника был выигрыш времени с расчётом в непрерывных боях истощить наступательную силу немецкой армии и измотать её в глубине территории. Преследуя эту основную мысль, русские не сдают добровольно ни одного рубежа и производят контратаки. Из этого можно сделать вывод, что русское верховное командование правильно оценивает обстановку и даёт соответственно этому указания.

Русское командование сумело за короткий срок создать из участвовавших в боях соединений, из

отбившихся от своих частей и из рядового состава пополнения — новые соединения и с успехом ввести их в бой. Это говорит о том, что организация была хорошая и соответствовала поставленной цели.

Использование местности, образцовое устройство позиции и прекрасная маскировка ярко характеризуют каждого красноармейца.

Позиции строились целесообразно и в очень короткий срок. Большое значение придавалось всегда противотанковой обороне. Открытие огня происходило обычно только с небольшой дистанции.

На позициях русские боролись с исключительным упорством, до последних сил. На вторжение русские отвечали внезапными контрударами, применяя также танки. Особенно следует отметить полную нечувствительность флангов. После прорыва справа и слева русские стойко держались на своих позициях и пытались закрыть брешь контрударами. Даже в безнадежном положении русские не прекращали борьбы. Они пытались обычно пробиваться.

Под умелым руководством и под влиянием хороших комиссаров пехотинец наступает, презирая смерть, и защищается до последнего патрона. Мастерское использование местности и маскировки, большая подвижность на непроходимой, с немецкой точки зрения, местности, а также почти всегда хорошие результаты стрельбы характеризуют красную пехоту. К пулемётному огню красноармеец довольно нечувствителен. Сила красной пе-

хоты в отношении вооружения состоит в её многочисленном автоматическом оружии и миномётах.

В ходе войны русские создали танковые соединения, которые по своей организации представляют собой подвижные войсковые организмы, при этом наблюдалось как быстрое сосредоточение, так и обеспечение танковых соединений материальной частью. Экипажи танков состоят из отборных людей с отличным боевым духом.

Сами по себе танки хороши. Материальная часть, не отвечающая современным требованиям войны, частично была заметна в начале кампании и в дальнейшем не наблюдалась. Со временем стали встречаться только тяжёлые танки, которые своей броней отчасти превосходят немецкие и должны быть охарактеризованы как хорошее современное оружие. Немецкие противотанковые средства не были вполне эффективны против русских танков.

Русские применяли свою авиацию главным образом против передовых частей, и она вела бои, несмотря на низкую облачность, на бреющем полёте. Они умело используют благоприятный момент...

Русские были до сих пор наиболее упорным противником. Они в состоянии и впредь оказывать ожесточенное сопротивление».

Из секретного циркуляра ставки германского главного командования «Оценка русского руководства, тактики и боеспособности войск».

«В ОТНОШЕНИИ РОССИИ МЫ СИЛЬНО ПРОСЧИТАЛИСЬ»

«...Относительно русских мы сильно просчитались. Те, которые с нами воюют, не уступают нам ни в одном роде оружия, а в некоторых и превосходят нас. Если бы ты только пережил когда-нибудь налёт пикирующих бомбардировщиков русских, ты бы кое-что понял, мой мальчик. Что касается меня, то я уже сыт по горло...»

Из письма унтер-офицера Георга Буркель. 14 декабря 1941 г.

«...В отношении России мы сильно просчитались. И ещё эта проклятая зима! Но жаловаться нет смысла... В кинохронике всего этого не показывают. Действительность выглядит гораздо трагичнее. Всё это было бы не так ужасно, если бы мы знали, сколько времени продолжится ещё эта война. Русские, ведь, ни в каком случае не пойдут на капитуляцию».

Из письма ефрейтора 489-го пехотного полка 269-й немецкой пехотной дивизии. 11 января 1942 г.

«...Мы недооценивали русскую армию и её оружие. Особенно это ясно теперь, когда против нас брошены сибирские дивизии, прекрасно снаряженные для войны в зимних условиях. Эти дивизии состоят из солдат, которые зимой чувствуют себя великолепно. Наши пулемёты и автомашины на

морозе часто не действуют. Тогда и начинается страшная «русская рукопашная».

*Из фашистской газеты «Берлинер бер-
зенцейтунг».*

«...Русская армия чрезвычайно хорошо обучена. Немцы столкнулись с противником, который обладает прекрасной военной техникой. Боевой дух русских солдат сломить невозможно».

*Из официального немецкого листка
«Динст аус Дейчланд».*

«...В письмах на фронт часто можно найти жалобы на длительность русской кампании. Пора выкинуть из головы мысли о быстром завершении войны. Если в нашей печати иногда пишут, что русские полностью побеждены, то подобного рода мнения руководящих деятелей печатаются исключительно для заграницы, чтобы подчеркнуть нашу уверенность в победе».

*Из приказа командующего 98-й герман-
ской пехотной дивизией. Декабрь 1941 г.*

«...5 декабря 1941 г. В результате разгрома под Калинином от нашего 303-го полка остался один батальон, который был влит в 167-й п. п. 86-й п. д. Главные потери мы понесли от огня «Катюши».

После разгрома 5 декабря солдаты морально подавлены. При наступлении частей Красной Армии они бегут, в особенности, если наступление поддержано танками. Холод, глубокий снег и отсут-

ствии обещанных отпусков отрицательно действуют на настроение солдат. Попав в плен, я увидел, что Красная Армия прекрасно обмундирована, оснащена и располагает огромными резервами. Я убедился, что в этой войне победит СССР».

*Из показаний пленного ефрейтора
Карла Айтцен (связист 12-й роты 167-го
п.п. 86-й п.д. германской армии).*

Редактор А. М. Аршаруни

Г110123.

Подписано к печ. 7.2.43 г.

Объем 3 п. л.

В 1 п. л. 44 660 тип. зн.

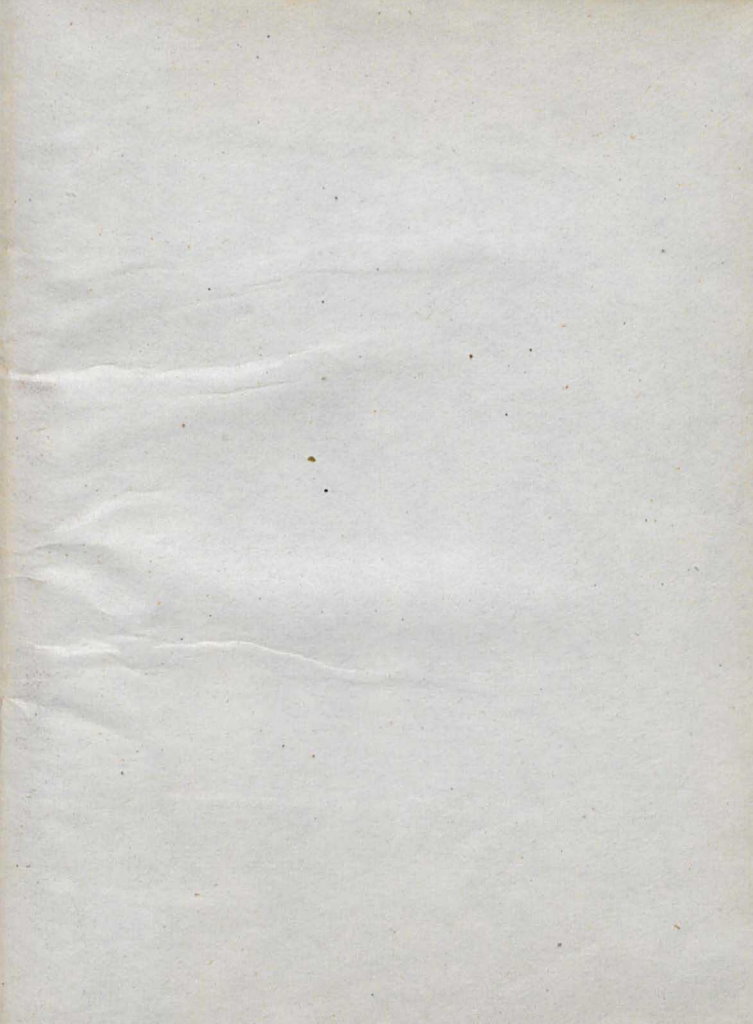
Заказ 54.

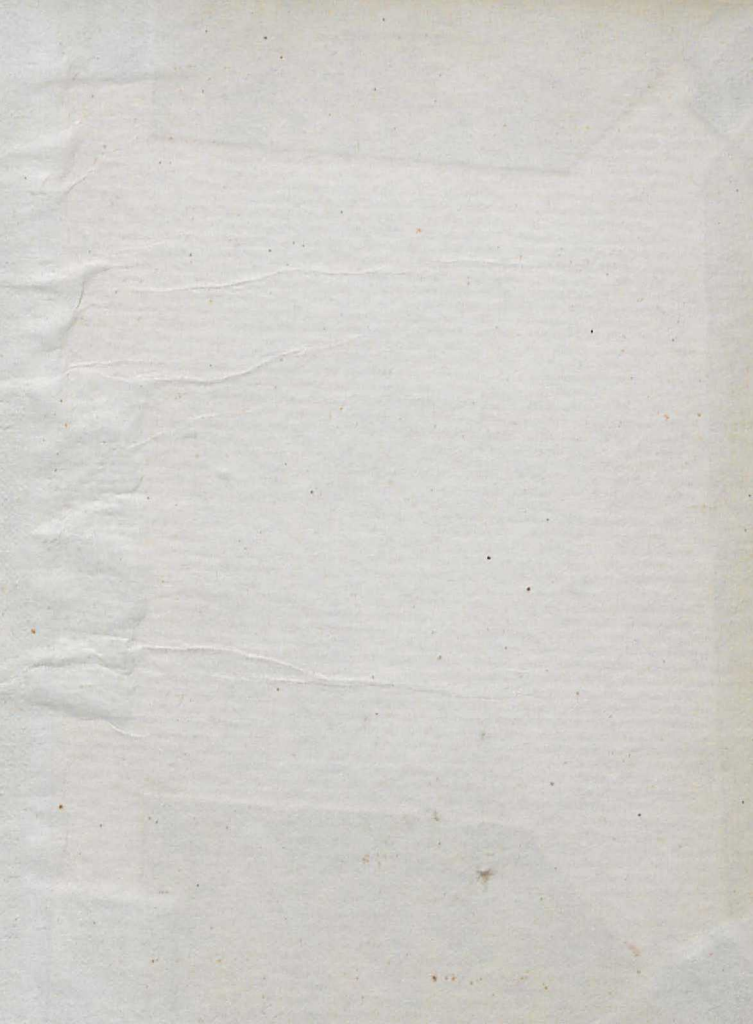
1-я типография Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

27 27-3 1943

Цена 40 коп.

2054

2018791319